

Л. В. ШАПОШНИКОВА

ПАГАВА-

„ЛЕТУЧИЕ РЫБЫ“

Annotation

Парава — небольшой народ, обитающий на юго-восточном побережье индийского штата Мадрас. Основное их занятие — ловля жемчуга, а также рыболовство. Автор два года прожила в Индии, наблюдала быт, нравы, обычаи этого народа. О всем увиденном она рассказывает в книге.

- [АКАДЕМИЯ НАУК СССР](#)
 - [СОКРОВИЩА ХРАМА МАДУРАИ](#)
 - [КОРАЛЛОВЫЙ ГОРОД](#)
 - [ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ ПОРТУГАЛЬЦЕВ И ПАПСКИЙ НУНЦИЙ](#)
 - [«ГОСПОДИН СЕМИ МОРЕЙ»](#)
 - [«ВАЛАМПУРИ»](#)
 - [ИСТОРИЯ КОКА И БАРТЕРА](#)
 - [УЛИЦА СВЯТОГО ГЕОРГИЯ](#)
 - [ЗА СВЯЩЕННЫМ ЧАНКОМ](#)
 - [ТРУЖЕНИКИ МОРЯ И ТЕ, «КТО ЕСТ ЗА СТОЛОМ»](#)
 - [ЗАГАДКА ПАРАВА](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
-

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ
Л.В.ШАПОШНИКОВА
ПАРАВА — «ЛЕТУЧИЕ РЫБЫ»**

СОКРОВИЩА ХРАМА МАДУРАИ

— Готов спорить на что угодно, но такого жемчуга, как у нашей богини Минакши, вы нигде не видели.

Я обернулась к человеку, произнесшему эту фразу. Вокруг стоял невообразимый шум. Трубили храмовые трубы, били барабаны, полуобнаженные люди, сопровождавшие богато убранный паланкин, вразнобой что-то кричали. В паланкине восседал черноликий бесстрастный бог. Процессия плыла мимо огромных гопурамов^[1] храма Мадурои, на которых сердились, смеялись и кровожадно скалились синие, красные, зеленые и белые индусские боги.

— Вы что-то сказали о жемчуге?

— Ну да, именно о жемчуге. Посмотрите на бога в паланкине. На нем бриллианты, рубины, изумруды. А богиню Минакши украшают жемчугом. Отойдите в сторону, ведут слонов.

Разрисованные головы слонов покачивались над толпой. Их уши чуть подрагивали при каждом новом всплеске крика и хриплых звуков медных изогнутых труб. Наконец шум постепенно стал затихать. Процессия повернула за угол храмовой стены и скрылась в направлении восточного гопурама.

Моего нового знакомого звали Рангачари. Брахманская косица, увязанная в седеющих волосах, шнур «дважды рожденного»^[2], спускавшийся с левого плеча, свидетельствовали о принадлежности его к высшей касте индусских жрецов.

— Храм Мадурои, — продолжал он, — вы, наверное, это знаете, знаменит на всю Индию. Ему не менее двух с половиной тысяч лет. За время его существования в храме накопилось много сокровищ. Но лучшее, чем владеет храм, — это жемчуг. Ну что же мы с вами здесь

стоим? Жемчуг надо смотреть, а не слушать о нем рассказы.

— А разве это возможно?

— Постараемся что-нибудь сделать.

Мы входим под прохладные своды храмовых ворот и попадаем на открытый, мощный каменными плитами двор. Плиты раскалены. Стоит апрель — месяц жаркого сезона. Раскаленный камень жжет босые ступни: туфли пришлось оставить у входа. Таков обычай, и его надо соблюдать. Во мне пробуждается инстинкт самосохранения, и я прямо устремляюсь к священному водоему «Золотых лилий». Рангачари едва поспекает за мной и уже на ходу кричит: «Не туда. Нам в обратную сторону». Я бросаю тоскующий взгляд на зеркальную поверхность воды, таящую в себе спасительную прохладу, и снова продолжается кажущийся бесконечным путь по раскаленным камням.

Наконец мы вступаем под своды прохладного полутемного зала с колоннами из серого гранита. Вдоль колонн горят светильники, пахнет прогорклым маслом. Под колоннами дремлют пришедшие издалека паломники. С противоположного конца зала доносится монотонное пение. Там свершается пуджа^[3] в честь бога Шивы. Несколько полуобнаженных жрецов сидят на возвышении, на котором за решетчатыми дверьми виден украшенный гирляндами цветов Шива. Пламя, отражаясь, играет на меди многочисленных светильников. Золотистый свет льется в полумрак и придает предметам и людям неясные, таинственные очертания. Курятся сотни благовонных палочек. Рангачари кланяется одному из жрецов, и тот нехотя подходит к нам. Жирный живот жреца нависает над дхоти^[4], в глазах выражение сонливости, смешанное с раздражением. Рангачари что-то ему объясняет, жрец покачивает головой, и в такт этим покачиваниям

колышется его огромный живот. Наконец жрец делает знак следовать за ним. Мы снова проходим под колоннами, выходим во внутренний, огороженный каменной стеной дворик, спускаемся по лестнице, попадаем опять в прохладный полутемный зал, идем какими-то переходами. Все это похоже на запутанный лабиринт, и я теряю ориентацию. Тонкий луч солнца, проникающий откуда-то сверху вырывает из темноты массивную дверь, обитую медью. На двери шесть огромных замков.

— Это сокровищница нашего храма, — обращившись ко мне жрец. — Ее охраняют шесть жрецов. У каждого из них по ключу от этих замков. Открыть дверь можно, если все шесть в сборе. Здесь наше основное богатство.

Видимо, жрецы не доверяют друг другу, если установлена такая система. Наш провожатый касается одного из замков, и выражение сонливости исчезает из его глаз. Где-то в глубине зрачков вспыхивают алчные огоньки.

— Здесь драгоценности на миллионы рупий. Но сюда мы посторонних не пускаем. Если вы хотите посмотреть на жемчуг, то это рядом.

Гремит открываемый замок, и нас вводят в небольшую комнату без окон. В углах теплятся желтые огоньки. Пахнет пылью и еще чем-то особенным, свойственным, пожалуй, только старинным вещам. Я вижу золотые и серебряные кубки, ожерелья с рубинами и изумрудами, но больше всего жемчуга. Причудливые головные уборы, украшенные жемчугом; гирлянды, усыпанные жемчугом; одежда, расшитая жемчугом. Сотни и тысячи крупных и мелких жемчужин. Они переливаются в дрожащем пламени светильников. Тона — от серебристого до черного. У входа как два стража замерли полуобнаженные жрецы. Опаловый

отсвет ложится на их бронзовые тела. Откуда-то из-за спины звучит глухой голос:

— Это все принадлежит нашим богам. И нам, жрецам. Все. И так из поколения в поколение. Так было, так будет всегда. Богиня Минакши во время праздника надевает жемчужное платье и эту жемчужную корону. Бриллианты и рубины украшают ее паланкин. Но богиня предпочитает всем драгоценностям жемчуг.

— ...жемчуг... — отзывается в углах.

Призрачный жемчужный свет наполняет сокровищницу. Он голубовато-серебристый. Цвет луны и океана.

— Здесь самые крупные жемчужины, таких вы нигде не найдете, — продолжает голос. — Это наше древнее богатство. Жемчуг, выловленный в Индийском океане, не знает себе равных по блеску и цвету. Об индийском жемчуге писали Птолемей и Плиний. Его воспели в гимнах священных Вед. Слушайте.

— ...слушайте... — снова отзывается эхо. Синеватый дымок благовоний обволакивает жемчужные одежды богов, и вместе с ним плывут и тают слова давно умершего языка. В них звучит своя, древняя, мелодия.

— Рожденная ветром, воздухом, молнией и светом жемчужная раковина, рожденная золотом да защитит нас от нужды. Раковина, родившаяся в море, в сияющем веществе, помогает нам убивать ракшасов^[5] и демонов-пожирателей. Раковина помогает нам побеждать болезни и нищету.

Раковина — наш всемогущий целитель. Жемчуг защищает нас от трудностей. Рожденная в небесах, рожденная в море, принесенная рекой жемчужная раковина, рожденная золотом — наш амулет долголетия.

Амулет, рожденный морем, солнцем, рожденный облаком, защитит нас везде от немилости богов и

ашуров^[6].

Ты, созданная золотым веществом, ты, созданная луной. Ты прекрасна на колеснице, ты, созданная сверкающим бриллиантом, да продлишь наши жизни.

Кость богов, превращенная в жемчуг, ожившая, живет в воде.

Я привязан к тебе жизнью, блеском, силой и долголетием, жизнью, длящейся сто осеней. Да защитит нас амулет жемчуга.

— ...жемчуга... — вторит эхо.

Слово плывет и гаснет в голубоватых бликах жемчужной короны богини. Я стряхиваю с себя гипнотическое оцепенение и поворачиваюсь к жрецу.

— Смотрите, — он показывает на жемчужную корону, украшенную несколькими рубинами. Жемчужины в короне крупные, чистого серебристого оттенка. Это подарок храму великого наяка^[7] Тирумала. Теперь такого жемчуга нет.

Махараджи Майсура и Траванкура были тоже щедрыми покровителями. Многие заминдары^[8] Мадураи и Рамнада дарили жемчуг.

— И все подношения богине Минакши?

— О да! Но богиня щедра в своих милостях и в своей благосклонности и к шудре и к брамину. К тем же, кто делает богатые подарки, она особенно благосклонна. Теперь посмотрите сюда. Это уникальный ковер.

Огромное полотно заткано жемчугом. На нем крылатые богини, диковинные птицы и мифические звери.

— Это ковер побывал в Англии. Его показывали королеве Виктории как редчайшую ценность.

Я смотрю на ковер и думаю о тех, кто добыл этот жемчуг со дна океана, достал жемчужные раковины, «рожденные ветром, воздухом, молнией и светом».

Вечером того же дня я еду в поезде третьим классом в Мадрас. За окном полная луна, как мячик, скачет по верхушкам кокосовых пальм. В купе горит тусклая лампочка, грязный пол заплыван, замусорен кожурой бананов и кусками газет. На деревянных скамьях тесно сидят пассажиры. Предстоит бессонная ночь. Некоторые, правда, пытаются дремать, сидя на полу и прислонившись к обшарпанной стенке вагона. Но остальная публика общительна, весела и говорлива. Мерно стучат колеса, в открытое окно врывается свежий ночной ветер. До меня долетают обрывки разговоров.

Напротив меня сидит старик в желтой чалме, рядом с ним две немолодые женщины в поношенных сари, а у окна высокий плечистый парень. Кожа его лица совсем темная, голову венчает великолепная, буйно вьющаяся шевелюра. Старик рассказывает женщине:

— И вот он входит в дом и видит: посередине комнаты лежит кобра... — Старик замечает мое внимание и обращается ко мне, как к давно знакомой.

— Мэм, вы видели когда-нибудь кобру?

Я утвердительно киваю.

— Так вот эта кобра... — продолжает старик.

Парень перебивает его.

— Подумаешь, кобра! «Мэм, видели ли вы когда-нибудь кобру?» — Голос парня звучит по-стариковски. Он явно передразнивает соседа. Старик обиженно замолкает.

— Ну что кобра, — продолжает парень, — их у нас в Индии полно. Ну покажите мне хоть одного, кто не видел кобру. А вот скажите, — обращается он ко мне, — видели вы жемчуг и раковины, в которых он вырастает?

— Что-что? — спрашивает старик, уже забывший и кобру и свою обиду.

— Видела, — говорю я, — в храме Мадураи.

И у нас сразу завязывается разговор, естественный и непринужденный, как это бывает только в третьем классе индийских поездов.

— Вы знаете, я парава. И отец мой парава, и дед парава. В общем, все мы парава.

— Парава, парава, — говорит старик. — А кто такие парава, неизвестно.

— Как неизвестно? — сразу отзывается парень. — Народ такой. Мы ныряем за жемчугом и чанком^[9].

Стоящие в проходе, заинтересовавшись, пододвигаются ближе.

— Мы всегда этим занимались. Живем мы в Тутикорине, на берегу океана.

Этот парень мне определенно нравится. В каждом его слове, в поведении и в том, как он смотрит на собеседников, чувствуется скромная гордость человека, знакомого с опасностями.

Луна склоняется к горизонту, ночные бабочки бьются о стекло пыльной лампы, мелькают фонари станций и полустанков. А парава рассказывает:

— Нырять за жемчугом непросто. Надо знать места. А у побережья Тутикорина таких мест много. Вот если дно песчаное, то раковины жемчужницы на нем не выживают, а на каменистом дне их всегда можно найти. Но не в каждой раковине бывает жемчужина, это уж как повезет. Иногда можно выловить тысячу раковин, а жемчуга нет. Раньше, говорил мне дед, жемчуг был крупный, а теперь не больше зернышка черного перца. Не успевает жемчуг вырасти, его вылавливают. Лов жемчуга бывает не каждый год. Вот последний раз мы ныряли за жемчугом в 1961 году, а теперь 1965-й, и мы не знаем, когда снова объявят лов. Зато уж если сезон, мы устали не знаем. Выходим в море иногда до рассвета, а возвращаемся — солнце уже низко над

горизонтом. Океан бурный, нырять трудно. Но мы, парава, с детства к этому привыкаем.

— Ну а акулы? — спрашивает кто-то.

— Есть и акулы, и рыба-скорпион, и ядовитые медузы. Только надо уметь беречься. Да не всегда это удается.

— Айо... — вздыхают рядом.

— Вот мэм, — парень кивает на меня, — видела жемчуг в храме. Это все наша работа. Жемчуг там старинный. Может быть, это мой прадед достал его со дна океана. Да только мой прадед и штанов себе не нажил ловлей жемчуга, а вот жрецы Мадураи отрастили жирные животы. Правда, мэм?

— Сущая правда, — смеюсь я. — А скажи, различается ли как-нибудь жемчуг по величине или форме?

— Сейчас я вам расскажу. Вот если жемчужину находят в мякоти мантии, то это ценный жемчуг. А если жемчужина на мускулах или на самой раковине, то она совсем ценности не имеет. Самая ценная жемчужина — это ани. Она совсем круглая, и нет в ее форме изъянов. И блеск у нее чистый. Но такие жемчужины попадаются не часто. Анатари — почти такая же, но с изъяном в форме или блеске. А вот масанку и каллипу, у тех дефектов много и в форме и особенно в цвете. В них нет чистоты цвета жемчужин ани и анатари. А то есть жемчужины — мы их называем вадиву — их ценность определяется по красоте. Я их видел. Нет ничего прекраснее такой жемчужины. Иногда попадаются по две спаянные — это курал, есть и больше двух — писал. Их ценность небольшая. Совсем неправильные и сморщенные жемчужины — маданку — дешевые, тул — мелкий, его даже и не считают за жемчуг. Только давно мы не видели жемчуга, все ныряем за чанком...

Поезд замедляет ход. Уже видны редкие фонари маленькой станции.

— Ну а как вам платят? — спрашиваю я.

— Да долго рассказывать. А уже моя станция. Послушайте, мэ, приезжайте к нам сами, все и узнаете. Приезжайте, не пожалеете!

Парень приближается к двери. Вот он уже стоит на платформе.

— Как тебя зовут? — кричу я ему в окно.

— Педро, Педро!

Поезд уже трогается.

— Почему Педро? Что за странное имя? Оно же не индийское!

Педро машет рукой, старается перекричать шум грохочущих колес:

— Приезжайте! Все узнаете! Клянусь девой Марией!

КОРАЛЛОВЫЙ ГОРОД

...Океанская волна с грохотом набегаёт на берег. Отступает, оставляя на камнях раковины, крабов, осколки кораллов, водоросли. Над синей гладью океана скользят паруса шхун, каное, рыбацких катамаранов^[10]. В двух-трех милях от берега видна песчаная коса. За косой внешний рейд. Там стоят большие корабли. Разгружают и нагружают их там же, на внешнем рейде. Мелководная бухта, не более трех-четырех футов глубиной, не позволяет кораблям швартоваться в гавани. У причалов штабелями сложены тюки с товарами. В воздухе стоит терпкий запах пряностей и чая, водорослей и смолы.

Дует свежий бриз, и морская соль мелкими колючими кристалликами оседает на лице и руках. Ветер раскачивает перистые листья кокосовых пальм. Двое бронзовых парней в набедренных повязках и красных платках на головах спускают парус грузовой шхуны, напевая что-то ритмичное. Я всматриваюсь в серебристо-голубую даль океана, и мне кажется, что сейчас над горизонтом вспыхнут алые паруса и я услышу слова: «Капитан, я — Бит-Бой. Может быть, вы слышали обо мне. Я здесь...» И вдруг, действительно, над горизонтом возникают крылья парусов, но не алых, а белоснежных. Они становятся все явственней. Это двухмачтовая бригантина, она везет чай с Цейлона в Рангун.

— Мэм, может быть вы помните меня? Я — Педро.

Теперь я точно знаю, что я не в гриновском Лиссе, а в Тутикорине, городе не менее удивительном, чем Лисс. Здесь живут ловцы жемчуга, судовладельцы, рыбаки, портовые грузчики, моряки, контрабандисты, скупщики жемчуга. Здесь ходят по улицам матросы из Коломбо,

Рангуна, Сингапура, Бомбея. Здесь дома построены из коралловых плит, которые достают со дна темнокожие ныряльщики.

Мы идем с Педро мимо причалов, мимо рыбного рынка, рядом с которым на песке лежат катамараны и каное паравов. У ворот гавани толпятся грузчики. На их темных телах только набедренные повязки. Над гаванью стоит разноголосый непрерывный шум. Отсюда вдоль берега океана тянутся крытые черепицей дома кораллового города. Коралл придает стенам жемчужно-розоватый оттенок. Над городом высятся шпили католических соборов.

Вдали возникает колокольный звон. Он разрастается и вот уже плывет над всем городом. Педро торопится.

— Мне надо идти.

— Куда?

— В церковь. Я ведь католик. — Педро исчез так же неожиданно, как и появился.

Я иду вдоль главной улицы Туतिकорина. Здесь добротные здания пароходных компаний, над фасадами их реют разноцветные флаги. Пестрят вывески торговых агентств, сверкают зеркальные окна банков. В тени тропических деревьев расположилась станция морской биологии, за ней здания правительственного департамента промысла жемчуга и чанка. Здесь меня встречает глава департамента Исаак Раджендран, небольшого роста, коренастый, с приветливой белозубой улыбкой. На стенах его кабинета морские карты, на письменном столе образцы кораллов и раковин.

— Вас интересует лов жемчуга? Но сейчас не сезон. Жемчуг еще не вырос. Возможно, если будут благоприятные условия, мы сможем объявить лов через два-три года. Раковины-жемчужницы очень нежные создания. Они часто гибнут. Мы, например,

рассчитываем провести лов жемчуга в такое-то время и вдруг обнаруживаем, что жемчужницы погибли. Изменилось течение, температура воды, направление ветра — и все. Нет нашего «урожая». Хотите, я покажу вам тутикоринский жемчуг?

Из баночки со спиртом Раджендран извлекает невзрачную двустворчатую раковину. Осторожно раскрывает створки, и в розовой мякоти серебристым светом загорается крупная, совершенной, круглой формы жемчужина.

— Ани? — спрашиваю я.

— Она самая. А вы откуда знаете?

— Мне Педро рассказал об этом.

— Педро, Педро... У нас есть отличный ныряльщик по имени Педро.

Я описываю моего недавнего попутчика.

— Ну да, — улыбается Раджендран, — это он. Очень толковый парень. Парава.

— А что значит слово «парава»?

— Парава — «летучая рыба». Они славные парни, всю жизнь имеют дело с морем. Прекрасные ныряльщики. Я сам ныряю и видел их в работе. Очень хорошие мореходы. Парава могут на своем утлом каное без всяких навигационных приборов уходить на сотни миль в открытый океан. Они плавают на Цейлон как в соседнюю деревню. А путь туда нелегкий. Говорят, парава были первыми мореходами в Индийском океане, как финикийцы в Средиземном море. Рыбаки они очень опытные. Море их всегда прокормит. Сейчас парава около тридцати тысяч. И все они живут здесь, на побережье от Мадураи до Тутикорина, и немного южнее. Но основная масса их осела в Тутикорине. Когда-то Тутикорин был только деревней парава. А теперь город. И он вырос на жемчуге и чанке.

Раджендран подходит к карте.

— Вот Тутикорин. Видите, вдоль Тутикоринского побережья тянутся отмели, или банки. Парава называют их «пар». Эти жемчужные отмели находятся на расстоянии четырнадцати-тридцати миль от берега. Глубина там небольшая — пять-девять морских саженей^[11]. Если рядом с дальними банками есть острова, то паравы нередко уходят на несколько дней в океан и живут на островах.

— А кому принадлежит жемчужный промысел?

— Оба промысла, жемчужный и чанковый, государственная монополия. Вся организация работ лежит на нашем департаменте. Я смогу вам показать, как ныряют за чайком. Техника ныряния та же, что и за жемчугом. Правда, в этом году сезон начался позже. Обычно лов чанка с октября по май. А в этом году только с января. Вы помните страшный циклон в конце декабря 1964 года? Тот самый циклон, когда приливной волной был разрушен мост между Данушкоди и материком?^[12]

— Конечно, помню. По мосту шел пассажирский поезд.

— Да, все было смыто в океан. Никому не удалось спастись. Прибрежные деревни тоже очень пострадали от урагана. Парава было не до ныряния. У многих унесло каное в океан. Департамент выдал им пособия, но, откровенно говоря, этого было слишком мало для людей, которые остались без крова и пищи. Вот поэтому и начали поздно.

...Солнечный свет дробился искрами на жемчужине ани, лежавшей на столе, и сквозь ее поверхность просвечивал живой и теплый розовый цвет. Мы молча смотрели на ани. Жемчужина жила. Казалось, она была наполнена Светящейся перламутровой жидкостью. Раджендран прервал молчание:

— Вот что, поедemте со мной, я вам кое-что еще покажу.

У подъезда департамента нас ждал старенький, видавший виды джип. Мы миновали главную улицу, проехали соляные поля, на которых работали изнуренные тропическим солнцем люди, и выехали снова к берегу океана. В этом месте, обнесенном низкой изгородью, песок был утрамбован, и то там, то здесь валялись ржавые чаны.

— Это самое главное место во время лова жемчуга. — Раджендран согнутым пальцем постучал по одному из чанов. — Сейчас все это лежит без дела. Но в сезон такой чан трудно достать. И народу — не протолкнешься. Мы забираем у нырятьщиков две трети улова, а треть оставляем им. Это старая традиция. По пути к берегу нырятьщики не имеют права вскрывать и утаивать раковины. За этим следят наши инспекционные суда. Да при нашей системе реализации раковин это и невыгодно. Бывает, раковину открывают, а там ничего нет. И продавать нечего.

— А что, раковины продают тут же?

— Да, мы организуем здесь аукцион. В это время весь Тутикорин наводнен торговцами драгоценностями, оценщиками жемчуга, любителями острых ощущений, авантюристами, которых привлекает легкая, случайная добыча. Департамент продает сразу по тысяче раковин. Цена за них пятьдесят-шестьдесят рупий^[13]. А когда становится известно, что улов жемчуга богат, цена поднимается. Нырятьщики тоже продают свои раковины по рупии за дюжину. Тут-то и начинается азартная игра. Купивший дюжину незамедлительно вскрывает раковины: попадется жемчужина или нет. Если вся дюжина пустая, покупают другую и снова открывают. Это, знаете, игра, как на скачках. Поставил на одну лошадь — проиграл, поставил на другую —

выиграл. Некоторые таким образом растрачивают все свои деньги, и у них не остается на обратную дорогу. А вот если повезет, тогда дело другое. За жемчужину ани можно получить пятьсот-шестьсот рупий, а то и больше. Однако способ вскрывания раковины ножом — вещь несовершенная. Мелкий жемчуг иногда не замечают и выбрасывают вместе с раковиной. Те, кто покупает тысячи и десятки тысяч раковин (это, конечно, уже профессиональные торговцы жемчугом), используют вот эти чаны. Раковины кладут в чан и выдерживают три-четыре дня. Они там начинают разлагаться. Затем всю массу заливают водой, и на дно оседает жемчуг вместе с песком. Конечно, это техника старая, традиционная. При англичанах так же ныряли и так же извлекали жемчуг из раковин.

Англичане пытались увеличить улов раковин жемчужин и обойтись при этом без парава, потому что хочешь не хочешь, а надо было отдавать ныряльщикам треть. Я вам расскажу интересную историю. Случилось это в 70—80-х годах прошлого столетия. В Тутикоринскую гавань прислали двух водолазов со всем водолазным снаряжением, которые должны были выполнить ряд подводных работ в бухте. Они могли оставаться под водой несколько часов, а парава в лучшем случае не более минуты. Английские чиновники из департамента по жемчужному промыслу подсчитали, что два таких водолаза могут в час собрать двенадцать тысяч раковин в мелкой воде и девять тысяч на глубине девяти морских сажений. Представляете, какая выгода! Два водолаза работают четыре часа и за это время приносят от тридцати шести до сорока восьми тысяч раковин. Практически такую работу могут сделать за целый день двадцать четыре ныряльщика-парава. Решили попробовать. Водолазов доставили на моторном боте на одну из богатых жемчужных банок. Они добросовестно ползали по дну четыре часа и набрали —

как вы думаете сколько раковин? — не более пятисот. Два ныряльщика-парава за это время собирают гораздо больше. Дело ведь в искусстве и навыках, а не в водолазном шлеме. С парава трудно конкурировать. Свое мастерство они передают из поколения в поколение. И у них есть свои секреты.

Вечером в отеле я читаю описание жемчужного промысла, составленного английским антропологом Торстоном еще в конце XIX века. С тех пор почти ничего не изменилось. «Ныряние иногда продолжается и после полудня, лодки в случае благоприятного морского бриза достигают берега в четыре часа вечера; их прибытия ожидает большая толпа туземцев; некоторые приходят из любопытства, другие в надежде поживиться. Достигнув берега, лодки на всем ходу врезаются в песок, и ныряльщики несут раковины в корзинах на головах в "котту". Там дневной улов делят на три равные груды. Одна гряда, выбранная начальником промысла или другим чиновником, становится собственностью ныряльщиков, которые быстро забирают свою долю, раскладывают ее на песке и продают от пятнадцати до сорока раковин за рупию... Две другие груды становятся собственностью правительства, и специально нанятые кули подсчитывают число раковин. Часов в шесть вечера там-там возвещает начало публичного аукциона — к этому времени раковины, принадлежащие правительству, уже сложены в кучки, по тысяче штук каждая. Иногда купцы сговариваются и дают очень низкую цену. Тогда разгорается борьба между аукционщиком и купцами — первый отказывается продавать, последние отказываются поднимать цену. Борьба неизбежно кончается поражением купцов. Кредит не предоставляется, и покупатели, как только они внесли деньги в казну, берут свои раковины, чтобы их промыть или отправить по железной дороге.

Кипячение раковин в воде с последующим извлечением жемчуга из высохшего осадка имеет преимущество перед способом, когда раковины оставляют гнить на солнце, а затем выбирают жемчуг из осадка, который несколько раз промывается. Процессу гниения помогают большие мухи цвета бутылочного стекла с красными глазами.

Месяцы спустя после окончания лова бедных туземцев можно видеть роющимися в песке на месте жемчужного лагеря в поисках жемчужин. Говорят, что в 1797 году простой парень низкой касты таким образом случайно нашел наиболее ценную за весь сезон жемчужину и продал ее за огромную сумму»^[14].

В комнате становится душно. Я выхожу на балкон. Лунный свет кладет на бьющиеся о берег волны опаловые блики. И снова я слышу колокольный звон. Он сливается с шумом океанского прибоя и замирает вдали, там, где на конце песчаной косы мигает желтый глаз маяка. «Мадонна защищает нас от бед», — вспоминаю я слова Педро. Мадонна... Почему же она оказалась здесь, на дальних тропических берегах?

ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ ПОРТУГАЛЬЦЕВ И ПАПСКИЙ НУНЦИЙ

В 1498 году каравеллы португальского командора Васко да Гамы приблизились к Малабарскому побережью и вошли в гавань Каликата. Деревянная раскрашенная мадонна равнодушно смотрела с носа корабля на берег, заросший кокосовыми пальмами, на причудливые очертания языческих храмов, на подвижных людей с темной кожей. В глазах же людей, стоявших на палубе каравеллы, равнодушия не было. Они уже многое знали об этом берегу пряностей и драгоценного металла. Не знали они только о жемчуге. Так мадонна прибыла в Индию и освятила своим божественным присутствием грабежи, насилия и убийства португальских «рыцарей наживы».

Парава жили на восточном берегу и ничего не слышали об украшенных крестами парусах каравелл и командоре Васко да Гаме. Деревянная мадонна им тоже была не знакома. Из века в век каное с четырехугольными парусами бороздили гладь океана и привозили на берег прекрасные зерна жемчуга. Жемчуг украшал одежды раджей и императоров. Земля принадлежала им, и парава платили дань этим хозяевам земли. У самих ныряльщиков средств хватало только на рис и на кусок ткани, чтобы обернуть его вокруг бедер.

У парава были свои старейшины и король. Они тоже любили жемчуг. Король выходил встречать каное после лова, груженные раковинами-жемчужницами, и получал от ныряльщиков свою долю драгоценных зерен с подобающими королю почестями. У тех, кто доставал

жемчуг со дна океана, его оставалось совсем немного. В рыночный день в место, где сейчас стоит Тутикорин, съезжались купцы со всей Индии, прибывала на слонах и в паланкинах местная знать, стекались путешественники и искатели приключений.

Учреждались две охраны. Король парава имел собственную охрану, местные правители — свою. Жемчуг многих вводил в искушение, и охранники работали без усталости. Два суда действовали в рыночный день: один для парава, другой для подданных раджей. Старейшины богатели после рыночных дней и претендовали на все большую часть улова. Они, как и король, завели собственную охрану и оружие. Старейшины и король могли защитить себя и свои богатства. Безоружными оставались ныряльщики, им нечего было защищать.

Соотечественники Васко да Гамы тем временем построили в Кочине и на Малабарском побережье крепости. По открытому командором морскому пути шли новые корабли с крестами на парусах. На индийский берег сходили чужеземные солдаты. Блестели кирасы, украшенные перьями, звенели шпаги, гремели алебарды. Готические шпили церквей стали заслонять языческие храмы.

В 1523 году король Португалии послал в Индию Мануэля де Фриаса с «благочестивой» целью — отыскать могилу святого Томаса^[15]. По счастливому для португальцев совпадению могила находилась где-то на восточном побережье. Вместе с Фриасом на корабле был Жоао Фролес. У него было свое особое задание: разведать все о ловле жемчуга между Цейлоном и мысом Коморин. Тень христианского миссионера вела за собой колониальных грабителей. Фриас и Фролес сумели договориться с местными раджами и арендовали часть жемчужного лова за 1500 крусадо^[16]

в год. На Коромандельском побережье была учреждена небольшая португальская фактория, а фактором де Фриас назначил Фролеса. О могиле святого забыли. Было не до святых.

Де Фриас и Фролес не доверяли друг другу. Де Фриас, заподозрив Фролеса в краже жемчуга, приказал сдавать жемчуг не фактору, а лично ему, де Фриасу. И все же он не чувствовал себя спокойно. Легкие параос^[17] муров^[18] стерегли португальские корабли с жемчугом и товарами. Каликатский заморин^[19], враждебно настроенный к португальцам, оказывал им помощь. Португальские капитаны завидовали Фриасу. «Фриас не в состоянии справиться со всем этим. У него нет поддержки среди парава. Грабежи капитана доводят их до отчаяния», — доносили они в Лиссабон. Слишком много претендентов было на место Фриаса. Фактор Фролес строчил доносы и ждал благоприятного момента. В январе 1528 года пришло известие, что король назначил Фролеса капитаном жемчужного лова. Это была победа. Но Фролес дорого за нее заплатил.

...Мартовским ясным днем каравелла Жоао Фролеса пришвартовалась у причала Туतिकорина. "Был мертвый штиль. Паруса бессильно повисли. Очертания пальм и домов дрожали в нагретом мареве. На палубе под тентом фактор потягивал ром. Он ждал старейшин, которые должны были принести его долю улова. У раскаленных медных пушек дремали канониры. Невдалеке покачивался на волнах шлюп; флаг португальского королевского флота тряпкой свисал с его флагштока. Вдали виднелись паруса каное ныряльщиков. Старейшины не шли. «Эти грязные парава никогда не спешат, — со злобой думал Фролес. — Но жемчуг они приносят добротный. Его серебристый блеск действует лучше, чем ром».

Теперь, когда Фриаса убрали, через его руки прошло много драгоценных зерен. И не все они из этих рук ушли.

— Параос! — неожиданно раздаётся крик наблюдателя с мачты. Все бросаются к борту и всматриваются в нечеткую линию горизонта. Там неясно маячат четырехугольные паруса пиратских судов. Гремит якорная цепь. Каравелла с трудом разворачивается, чтобы уйти, но ветер не наполняет паруса. Корабль и шлюп остаются на месте. Канониры, стряхнув сонную одурь, замирают у пушек. Параос уже близко. Видны темные тела матросов, слышны крики команды. Капитан на головном параос скалит белые зубы в издевательской улыбке. Красная косынка съехала на лоб. Он кричит фактору что-то обидное.

— Огонь! — Фролес закрывает глаза и стискивает зубы. Ядра, шипя, вырываются из стволов. Фактору страстно хочется, чтобы они угодили в эту издевающуюся рожу. Но ядра, вздымая столбы воды, падают в океан. И опять Фролес видит издевательскую улыбку и красную повязку.

— Огонь, огонь! — В бешенстве кричит он. Но параос ловко маневрируют. Пули аркебузов тоже не помогают.

Вдруг приближающаяся флотилия пиратов делится. Двенадцать параос устремляются к каравелле и восемь к шлюпу. На шлюпе что-то кричат, но выстрелы заглушают все. Над бортами параос появляются дымки разрывов. У них тоже пушки. На каравелле всего двадцать человек. На шлюпе почти никого. Джутовый тяжелый трос летит с каравеллы на шлюп. Теперь шлюп подтянули к корме. Несколько матросов прыгают в него. Шлюп начинает отстреливаться. Пираты окружают каравеллу и шлюп. Ядра с параос падают на палубу каравеллы. Обшивка корабля с треском лопается. Падают незакрепленные реи. Одна из них придавила

двух канониров. Их пушки замолкли. На корме в луже крови плавают двое других.

Неистовый крик вонзается в раскаленное небо: «Во имя Аллаха всемогущего и милостивого!» Это сигнал к abordажу. Фролес, хватаясь за окровавленную голову, тяжело падает на горящую палубу. Из клубов порохового дыма на корму каравеллы выскакивают пираты. Появляется капитан в красной повязке. Он толкает ногой тело убитого фактора.

— Фролес, — зовет он, — ты слышишь, Фролес?

Но могущественный белый фактор уже ничего не слышит. Тогда капитан резким движением наклоняется к португальцу и срывает с него кожаный пояс. Сверкает нож и из пояса сыплется жемчуг — драгоценные, совершенной формы зерна.

Бесславный конец Фролеса отбил охоту у португальцев посылать корабли в залив Маннар. Владельцы мусульманских параос на какое-то время заменили португальцев. Мусульманские купцы и торговцы забирали львиную долю улова. Мусульмане-ныряльщики стали конкурировать в своем искусстве с парава. Наяк Мадураи внимательно следил за нараставшей враждой между мурами и парава. Наконец она вылилась в открытый конфликт. Мусульманин оскорбил жену одного из парава. Тот собрал друзей, они поймали оскорбителя и отрезали ему мочки ушей. Это послужило сигналом к массовому выступлению парава против муров. Наяк Мадураи перестал выжидать. Благосклонный кивок правителя, и началась охота за головами парава. Сначала за голову платили пять панамов^[20]. Обезглавленные тела выбрасывали в океан на съедение акулам. Потом цена за голову снизилась до одного панама. Слишком много было этих голов. Парава стали уходить с насиженных мест, прятаться. Одни укрылись в прибрежных пещерах,

другие уплыли на дальние пустынные острова. Жемчужные отмели остались далеко, и парава не рисковали приближаться к ним. Родной берег стал недоступным. Питаться приходилось одной рыбой, да и той не всегда хватало. Ночами парава дрожали от холода, дети плакали и просили есть, угрюмо молчали мужчины. Не было дерева, чтобы починить прохудившиеся каное, и улов рыбы становился с каждым днем меньше. Не было пресной воды. Людей охватывало отчаяние.

Где-то прятались король и старейшины. Они не могли помочь парава. Они боялись за свои головы и за свои богатства. Когда наступил сезон дождей, стало совсем плохо. Доставать пищу было трудно. Острова заливало, и люди совсем забыли, что такое сухая, теплая земля. Тропическая лихорадка трепала их, сильные мужчины превращались в беспомощных стариков. Боги парава больше не думали о них. Люди презрительно отворачивались от своих жрецов. Надежд не было. Призрак голодной смерти витал над островами.

И вот к одному из островов причалило каное. В нем были незнакомый человек и два паравы. Незнакомца звали Жоао де Круц. Несмотря на португальское имя, он был индийцем. Предприимчивого и хитрого де Круца знали многие в Каликате. Он торговал пряностями и посылал свои корабли в далекий Лиссабон. Ему покровительствовал сам заморин, правитель Каликата. Это заморин предложил ему однажды отправиться в Лиссабон: «Португальцы умеют хорошо торговать. Поезжай поучись».

В Лиссабоне де Круц научился не только торговать. Он понял, что заморин не такой уж могущественный повелитель. Португальский король был сильнее. И подданный заморина принял христианство и стал синьором де Круц. Золотой крест украсил его грудь.

Король Португалии заинтересовался предприимчивым индийцем.

Де Круз вернулся в Каликат коммерческим королевским советником при заморине. Заморин весьма холодно встретил новоиспеченного христианина и советника, и де Круз понял, что ему нечего рассчитывать на прежнее покровительство. Но новые хозяева были рядом, на Малабаре. Они расширяли свои территории, строили крепости, мадонна с крестом победно шла по побережью. Поблескивая пушками, португальские каравеллы швартовались в Кочине, Каннаноре, Гоа. Де Круз не ошибся в своих надеждах на помощь новых хозяев. Он начал собственное дело. И опять корабли де Круза стояли в гавани Кочина.

Однако неудачи стали преследовать его. Корабли де Круза гибли один за другим. Португальский фактор в Кочине очень неохотно предоставил последний заем: португальцы не любили неудачников. А потом случилось самое страшное и непоправимое. Он навсегда запомнил эту ночь — ночь кораблекрушения. Тогда погибли его жена и дети. Самого его выбросило волной на скалистый берег. Он потерял все и едва добрался до Кочина.

На бледных губах кочинского фактора играла презрительная улыбка. Фактор назвал его неудачником и потребовал вернуть долг. У де Круза подкосились ноги, и он рухнул к начищенным ботфортам португальца. Тот был неумолим. Солдаты пинками подняли купца с пола. Они тащили де Круза по улицам Кочина и кричали: «Расступись — черномазого королевского советника ведем в его дворец!» Прохожие испуганно шарахались. Некоторые узнавали его, но он не заметил сочувствия на их лицах. А потом тюрьма. Он потерял счет дням и ночам.

Де Круз был по природе энергичен и изворотлив. Среди португальских капитанов были люди, которые

помнили его услуги. Ему удалось передать через них письмо королю в Лиссабон. Король вспомнил сметливого услужливого индийца. Королевский указ гласил: «Верноподданного христианина Жоао де Круца из тюрьмы освободить и дать два года отсрочки для уплаты долгов».

...Он узнал, что около мыса Коморин можно хорошо заработать на торговле лошадьми. На этом деле он прогорел, но ему удалось выяснить кое-что поважнее: о неудачах португальцев с жемчужным ловом. Де Круц действовал решительно. Он отыскал короля парава: плыл от острова к острову и наконец напал на его след. Король утратил свое величие. Он жадно слушал де Круца.

— Никого нет сильнее португальцев, только их защита спасет парава и ваши богатства, — вкрадчиво говорил де Круц.

Король закрывал глаза и качал головой.

— Божественная могущественная покровительница руководит португальцами. Ее символ — крест — уже сияет над Малабарским побережьем. Ваше достоинство как правителя будет восстановлено. Парава снова будут приносить жемчуг из океана.

Через несколько дней делегация из пятнадцати парава отправилась в Кочин. Викарий епископа Гоа^[21] Ваз крестил их. Делегации была обещана вооруженная защита. Де Круц был принят португальским вице-королем. Его заслуги оценили... Все это произошло в 1532 году.

А через некоторое время к Тутикоринскому побережью вновь пристали вооруженные португальские каравеллы. Вместо солдат на берег сошли католические священники в белых длинных рясах. Под защитой морских пушек священники крестили измученных парава. Им вешали на грудь кресты и медальоны с

изображением никогда не виданной ими женщины — мадонны. Священники принадлежали к ордену иезуитов. Они посмеивались над капитанами и солдатами: крест оказался сильнее шпаги и пули.

Королю парава пожаловали исключительное право носить золотую цепь с крестом — символ знатного происхождения. К его новому португальскому имени добавили дворянскую приставку «дон».

Парава снова вышли на лов жемчуга. Теперь чужеземные пушки возвещали его начало. Корабли португальского короля защищали парава от муров. А за это приходилось платить жемчугом. Четверть улова — королю Португалии, четверть — капитанам и солдатам со сторожевых каравелл, четверть — отцам-иезуитам. Оставшаяся четверть делилась между королем парава и старейшинами.

Нырятьщикам опять ничего не доставалось. Мадонна не помогала. Надежды парава не оправдались. Назревало недовольство. Вечерами иезуиты в белых рясах дрались в тавернах с солдатами за жемчужины. Парава презрительно отворачивались от святых отцов и срывали с себя кресты и медальоны. Вновь обращенная паства выходила из повиновения. Солдаты не могли справиться с недовольными. Жемчужный промысел снова оказался под угрозой. Тревожные донесения начали поступать во дворец вице-короля в Гоа. «Стройте крепость, — последовал ответ. — Превратите Тутикорин в военный центр ловли жемчуга».

Тогда встревожились иезуиты. Крепость и военный гарнизон развяжут руки капитанам. Они захватят весь жемчуг. Тайный гонец был послан в ставку епископа, в Гоа. Инструкции епископа гласили: постройку крепости допустить нельзя. Святые отцы стали плести сложную цепь интриг. В нее были вовлечены король парава, старейшины, простые нырятьщики. Постройка крепости

пугала и их. В любом случае этому надо было сопротивляться.

Крепость не была построена. Иезуиты спасли свой жемчуг, но парава отказывались спасать свои души. Церковь, построенная в Тутикорине, пустовала. Парава стали вспоминать старых богов. Влияние католических священников катастрофически падало. Отцы-иезуиты, прославившиеся стяжательством, не могли восстановить это влияние. Нужен был человек, не причастный к ограблению и обману парава. Но он должен был быть иезуитом. Индийский жемчуг занимал в интересах ордена не последнее место.

...В один из майских дней 1542 года с корабля на землю Гоа сошел человек. Он был бос, на худых плечах болтался рваный балахон. Голубые глаза прибывшего смотрели пристально и неприязненно на толпу португальских офицеров, капитанов и церковников, пришедших его встречать. Крылья тонкого носа с горбинкой нервно вздрагивали. Изукрашенный паланкин с четырьмя темнокожими носильщиками ждал его. Он поднял два пальца в крестном знамении и теперь уже, не глядя ни на кого, быстрыми шагами прошел сквозь толпу, почтительно расступившуюся перед ним. Он обогнул паланкин, оказавшийся на его пути, и спросил, где госпиталь. Ему показали. В госпитале содержались прокаженные. Он стал на колени перед одним из них и обмыл ему ноги, покрытые страшными гноящимися язвами. Последовавшие за ним капитаны и иезуиты толпились в дверях, толкая друг друга. Иезуиты вздыхали и восторженно закатывали глаза.

Человек, склонившийся над язвами прокаженного, был папский нунций Ксавье. В прошлом блестящий придворный короля Наваррского, затем сподвижник основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы, Ксавье прибыл в Индию со специальной миссией. В одежде

Ксавье было зашито письмо португальского короля к вице-королю Гоа с приказом оказывать всяческое содействие папскому представителю. Папа облачил его властью над всеми португальскими церквями и миссиями на Востоке.

Через некоторое время папский нунций появился на Тутикоринском побережье. Титукоринские священники жаловались ему на несговорчивость и строптивость парава. В первой деревне парава, которую он посетил, жителей не оказалось: они снова отсиживались на островах. В других деревнях, узнав, что он иезуит, с ним не хотели разговаривать. Все же ему удалось крестить там нескольких детей. Но чего это ему стоило...

Босой, в рубище Ксавье ходил по улицам Тутикорина. Он звонил в медный колокольчик, и дети, привлеченные необычным зрелищем, бежали за странным незнакомцем. Ксавье клал руки на их черные нечесанные головы, бормотал непонятные слова и заставлял повторять за собой. Это были молитвы. Сначала детям нравилась такая игра, потом они стали бояться этого странного европейца. Но он находил их и вновь заставлял бесконечно повторять молитвы. Он велел детям читать молитвы взрослым. Те не смели послушаться. Голубые холодные глаза чужестранца начинали приобретать над ними власть. Нервное подрагивание крыльев тонкого носа не предвещало ничего хорошего, и дети покорно выполняли то, что говорил Ксавье.

Взрослые заинтересовались проповедником. Он не дрался за серебристые жемчужины, и его глаза оставались холодными при виде жемчужного улова. Это удивляло и притягивало. Потом стало известно, что проповедник в рубище посетил острова, где нашли ненадежное убежище непокорные парава. Он привез им еду и уговаривал вернуться и продолжать свой

промысел. Он старался примирить потерявших надежду парава с их хозяевами-грабителями и Христом. Отчаяние и голод помогали папскому нунцию. Его личное бескорыстие хорошо служило интересам ордена иезуитов. Он собирал вечерами измотанных тяжким трудом ныряльщиков, систематически недоедающих и недосыпающих, и заставлял их повторять, что они верят в священное писание. Они отвечали хором, сложив руки на груди, что они верят, и повторяли за ним: «Иисус Христос, сын божий, даруй нам милость любить...» Любить португальских капитанов, забиравших у них жемчуг, любить отцов-иезуитов, обманывавших их...

В деревнях парава стали строить глиняные церкви. Священники этих церквей получали особую плату через португальского агента в Тутикорине. Расходы оправдывали себя. Непокорная паства была приведена в относительное повиновение. Папский нунций в рубище выполнил свою миссию. Весь жемчуг с Тутикоринского побережья отправлялся в Лиссабон.

У ныряльщиков оставался единственно надежный заработок: задыхаясь от недостатка воздуха, попытаться вскрыть под водой несколько раковин. Жемчужина в раковине, вскрытой под водой, по традиции принадлежала ныряльщику. И многие навсегда остались на дне.

«ГОСПОДИН СЕМИ МОРЕЙ»

В 1658 году в Тутикорине появились голландские солдаты и хозяином жемчужных промыслов стала Голландская Ост-Индская компания. Новые пришельцы знали об услугах короля парава португальцам. Они надеялись на то же самое для себя и не ошиблись. Король приобрел новый титул — «господин семи морей». Этот смешной и нелепый титул напоминал цилиндр на голове африканского царька, пожалованный ему белым работорговцем за черных рабов, его соплеменников. Кроме титула король парава получил и некоторые привилегии.

Как и португальцы, голландцы выделяли часть дохода индийским правителям и раджам. Так, наяду Мадураи они предоставили девяносто шесть с половиной камней^[22], сетупати Рамнада — шестьдесят, впоследствии камни получил и наваб^[23] Карнатика.

Живший в Тутикорине патер Мартин так описывает лов жемчуга, проведенный голландцами в 1700 году:

«В начале этого года голландцы послали 10 или 12 судов в различных направлениях разведать места, где желательно была провести лов в этом году; с каждого судна ушли под воду несколько ныряльщиков. Они принесли по несколько тысяч раковин, которые были сложены в груды на берегу по тысяче в каждой, открыты и просмотрены. Если жемчужины в грудке оценивались в эю и выше, банки, откуда были взяты раковины, считались перспективными; если же жемчужины не стоили более тридцати су, считалось, что в этих местах нельзя покрыть даже расходы по лову. После такой разведки публично объявлялся лов. Толпы народа собирались на берегу в день, назначенный для лова. Торговцы приходили с разными

товарами, рейд кишел кораблями, били барабаны, палили мушкеты и повсюду царило величайшее волнение, пока голландский комиссар не прибывал из Коломбо с великой помпой и не приказывал пушечным салютом возвестить о начале работ».

На берегу были сделаны установки для сортировки жемчуга. В них помещались один над другим металлические дуршлагы. Верхние дуршлагы были с крупными отверстиями, нижние с мелкими. Ценность жемчужины определялась размером и, конечно, совершенством формы. Жемчужины, оседавшие в дуршлагах с большими отверстиями, считались самыми дорогими. Мелкий жемчуг в дуршлагах не задерживался и скапливался на дне установки. Он не имел ценности. Голландские купцы скупали самые красивые и большие жемчужины за бесценок. Это право они не уступали местным торговцам. Весь жемчуг, добытый в первый день, принадлежал «господину семи морей», жемчуг второго дня поступал на голландскую факторию. Туда же практически поступал и жемчуг остальных дней. Церковь также требовала свою долю.

Господство голландцев на Коромандельском побережье шло на убыль. Надо было успеть захватить с собой по-больше. Ныряльщики отдавали не только жемчуг. За право нырять на банке платили налог. За право пользоваться камнями — тоже налог. Жемчужные раковины уходили из рук парава. Драгоценные жемчужины превращались в горстки дешевого плохого риса. «Господин семи морей» постепенно утрачивал свои привилегии, голландская компания лишила привилегий и местных правителей.

В 1746 году послов сетупати Рамнада, приехавших наблюдать за ловом, встретили вооруженные шлюпы. Наваб Карнатика вместо девяноста шести с половиной камней получил только тридцать пять. И это была последняя дань туземному радже. К промыслам уже

рвалась Английская Ост-Индская компания. Английские фрегаты вспенивали воды жемчужного пролива. Разгорелась борьба за Тутикорин. Ныряльщики равнодушно следили за морскими сражениями. Король и старейшины волновались. Прекрасный титул «господин семи морей» грозил исчезнуть. Король не знал, что будет вместо этого. Тутикорин несколько раз переходил из рук в руки.

Наконец в 1825 году новые хозяева твердо обосновались в центре жемчужного промысла. Король поспешил представиться англичанам. Он не упомянул титула «господин семи морей». Он скромно назвался: дон Габриэль де Круц Лазарус Мотха Ваз. Король ждал нового титула, но его не последовало.

— Вот что, парень, — произнес инспектор, — если, как говорят, ты здесь главный, поедешь со мной инспектировать банки. Ты, наверное, в этом смыслишь.

— А моя доля? — пролепетал дон Габриэль.

— Доля? За что доля?

— Королевская...

— А! — расхохотался инспектор. — Получишь, конечно. Если будешь хорошо работать. Для начала возьми два каное. Их ныряльщики будут доставать жемчуг для вашего королевского величества. Доволен?

— Только два? — упавшим голосом сказало «его королевское величество».

— Ну, парень, не торгуйся. Я тоже умею это делать.

Это было ново. С доном Габриэлем не заигрывали, как это делали голландцы и португальцы с его отцом, дедом, прадедом. Он не получил титула и знаков отличия. Его, короля парава, просто взяли на службу.

Началась регулярная эксплуатация промыслов. В Лондон поступали аккуратные отчеты о лове жемчуга. В Тутикорине был учрежден департамент по промыслу жемчуга и чанка. Парава считались на службе этого департамента. Они продолжали нырять за жемчужными

раковинами. Продолжали съедать свою горстку дешевого риса, горе научило их превращать рис в пьянящую араку.

В 1947 году последние колонизаторы были изгнаны из Индии. Вместо англичан в департаменте появились индийские чиновники и клерки. Кое-что осталось по-прежнему, что-то стало лучше. Но жемчуг и чанк, как и раньше, основное средство существования парава. Рис, как и раньше, основное их питание. А цепкие руки индийских торговцев и ростовщиков держат их в нужде...

«ВАЛАМПУРИ»

Солнце уже скрылось в море. И только багрово-красная полоска заката тянется вдоль горизонта. Тропическая ночь наступает быстро. Зажигаются крупные зеленоватые звезды. Шумит океанский прибой. Рядом с перевернутым каное возится старик. На нем только набедренная повязка. Космы седых волос падают на темный лоб. Возле старика ведерочко с краской и заскорузлой кистью. Он разгибается и всматривается вдаль, подставляет руку ветру, качает головой и что-то бормочет. Старик — парава. Я сажусь рядом. Старик меня замечает, но не подает виду.

— Что, завтра погода будет хорошая? — спрашиваю я.

— Нет, мэм. Этот вечер принесет дождь. На каное будет трудно выйти в море.

— Значит, за чанком нырять завтра не будут?

— Нет. Будет дождь. Нырять трудно.

— А вы ныряете?

— Нет, я уже стар. Но лет десять назад я нырял и за жемчугом и за чанком.

Старик вздыхает и опускает руки с вспухшими ревматическими суставами.

— Качка будет большая. Но, говорят, «Валампური» завтра пойдет в море, — продолжает он. — И снова замолкает. Становится совсем темно. Старик поднимает ведерочко с земли.

— Спокойной ночи, мэм, — доносится из темноты. Звук старческих шаркающих шагов замирает вдали.

Мы вышли в океан на рассвете. «Валампური» оказалось небольшим моторным суденышком. На палубе лежали свернутые бухты канатов и старые просмоленные паруса.

Над океаном низко висели набухшие дождевые тучи. Казалось, протяни руку и коснешься их. «Валампური» зарывалась носом в волны, белая пена билась о борта. Горизонт как будто сошел с ума: он прыгал вверх и вниз, поднимался под углом то вправо то влево. Нельзя было понять, взошло солнце или нет. Лил дождь. Он стучал крупными каплями по крыше каюты, по тенту, натянутому над палубой. Между тентом и поручнями образовались потоки, скатывавшиеся к корме. Мотор стучал неравномерно. Мы стояли на палубе: ныряльщики Гомес и Фернандес, капитан и я.

— Сегодня у нас как бы инспекционный рейс, — стараясь перекричать шум дождя, волн и мотора, сказал капитан.

Дасан Гомес сокрушенно покачал головой и подставил ладонь под струи дождя. На вид ему года сорок два. Он уже отяжелел, но хорошо развитые мускулы буграми поднимаются на широкой груди и руках. У Гомеса крупный нос и небольшие глаза. В них затаилось иронически-насмешливое выражение. Так, наверное, и должен смотреть человек, часто встречающийся с опасностью и не защищенный от нее. Когда Гомес говорит, его широкий рот складывается в добрую улыбку. Второй, Фернандес, молодой, с тонкой талией и сильной грудью пловца. Белки глаз покрыты мелкой сеткой воспаленных кровеносных сосудов. Это потому, что ныряльщику приходится подолгу смотреть в соленой воде. На груди ныряльщиков на шнурках висят кресты. Оба парава молча вглядываются в сплошную завесу дождя.

Говорит пока только капитан.

— В этом году особых препятствий к ловле чанка нет. Когда начинается жемчужный промысел, тогда не уговоришь парава нырять за чанком. Жемчуг выгоднее. Вот только иногда погода мешает. Волнение на море —

нырять нельзя. Под водой тогда плохая видимость, облачность — тоже плохо. Ничего не видно. Сегодня такая погода, что нечего и думать о массовом лове. Когда на море затишье — опять нехорошо. Нырятьщики не успевают вовремя добраться до банок. Лобовой ветер — тоже помеха. Когда случается такое, «Валампуре» буксирует каное к месту лова, но мы не всегда можем это делать. Знаете, у нас плохо с горючим.

— А акулы, — вмешивается Гомес, — разве не помеха?

И как бы в ответ на его слова гребни волн вспарывает акулый плавник. В акуле не менее двух с половиной метров. Она торпедой проходит с левого борта и снова показывается справа. Затем, сделав еще один круг вокруг «Валампуре», исчезает в волнах. Гомес грустно качает головой.

— Они мешают больше, чем ветер, облака и волнение. А мурену видела? — Гомес поворачивается ко мне.

— В кино.

Гомес добродушно смеется.

— Смотри. — Он показывает ногу. От колена до ступни идет длинный шрам. — Нырнул, мурена за мной. Я ушел, а кусок мяса ей оставил. А рыбу-дьявола знаешь? Она самая опасная. У нее три иглы. Наколешься, солнца больше не увидишь. — В глазах Гомеса по-прежнему ироническая усмешка.

Он стал нырятьщиком в пятнадцать лет. Пожалуй, немногие в Тутикорине ныряют так, как Гомес. Он может пробыть под водой минуту, а то и полторы. Нырять нередко на глубину пятнадцать метров. У него нет ни маски, ни ласт, ни акваланга. Он ныряет так, как ныряли его отец, дед, прадед.

— А вот валампуре я так ни разу и не нашел. — В голосе Гомеса слышны мечтательные нотки.

— Валампури?

— Да, — улыбается капитан, — наша посудина тоже называется «Валампури». По имени этой раковины. Обычный чанк имеет выход слева, а у раковины валампури — справа. О ней даже говорится в индусской легенде. «Волшебная птица Гаруда полетела на всех порах к Брахме и принесла богу Кришне чанк, закрученный вправо». Валампури священна для индусов. Любое желание тех, кто владеет ею, исполняется. Поэтому во многих храмах на юге есть валампури, и она ценится, так же как и жемчуг, а иногда дороже. Последний раз валампури нашли в 1957 году. Ныряльщик получил за нее пятьсот рупий, а наш департамент продал ее за двести тысяч рупий. На исполнение желаний денег не жалеют. Правда, когда есть деньги, можно обойтись и без валампури. Но некоторым хочется иметь и то и другое. Двойная гарантия. Говорят еще, — капитан понижает голос, — что раковина валампури сама трубит по ночам. Христиане-парава верят, что особенно громко валампури трубят ночью во вторник и пятницу.

— А вы верите?

— Трудно сказать. — Капитан отводит глаза. — Я не слышал, но многие говорят об этом. Вот если кому-нибудь удастся достать валампури, то считается, что сезон будет очень удачный. Тогда ныряние прекращают и все каное плывут к берегу. Процессия парава с выловленной валампури идет к департаменту и потом объявляется праздник по этому поводу.

Мы пришли на чанковую банку. Мотор заглушили. Матрос в синих шортах и синей рубашке промерил лотом глубину.

— Пятьдесят футов! — крикнул он. Гомес одобрительно махнул рукой.

Ныряльщики разделись. К их поясам прикреплены плетеные сетки для добычи. Матросы спустили за борт

на веревках два камня. Камни прямоугольной формы размером не более 20×50 см. В верхней части каждого камня продолблено отверстие. В нем закрепляется веревка. Гомес перекрестился, дотронулся пальцами до губ и зашептал молитву.

— Боишься?

— Все в руках божьих.

Гомес и Фернандес «солдатиками» спрыгнули в воду с низкого борта «Валампури». Уже в воде, держась за веревку с грузом, Гомес поднял ладонь и как будто что-то оттолкнул ею от себя с каждой из четырех сторон. И снова зашептал молитву. Это повторялось каждый раз при погружении. Молитва была бесхитростная: «Святая мадонна, защити нас от зубов акулы и игл рыбы-дьявола, дай нам силу достигнуть дна, даруй нам хорошую добычу. Да прославится имя твое во веки веков. Аминь». Нырятьщики проделали большие пальцы ног в металлические кольца, укрепленные на камнях. Гомес дал знак, и матросы ослабили веревку. Нырятьщикам приходилось трудно, волны прибывали их к борту. Наконец, улучив момент, оба ногами вниз ушли в глубину. Матросы вытащили камни. Через минуту головы Фернандеса и Гомеса показались среди волн. Им подали руки и они взобрались на палубу..

— Каменистое дно. Надо идти дальше. «Валампури» снова «развела пары». Началась килевая качка. Дул влажный теплый ветер. Дождь все лил и лил. И только в той стороне, где был берег, временами становилось светло, и тогда сквозь пелену дождя можно было различить шпили соборов и кокосовые пальмы. Внешний рейд был затянут дождевой сеткой.

«Валампури» прошла еще три мили и снова стала. Берег и внешний рейд исчезли из виду. Волны с лохматыми гребнями швыряли наше суденышко как щепку. Передвигаться по палубе можно было, только цепляясь за неподвижные предметы. Качка рвала

поручни из рук. Снова Гомес и Фернандес прыгнули за борт. Но в их сетках была только куски оранжевых губок, мелкие раковины, красно-бордовые ветви водорослей. Чанка не было. Ныряльщики смущенно переминались с ноги на ногу.

— Очень плохо видно, — сказал Фернандес.

— Солнца нет. Акула идет, а я не вижу, — подхватил Гомес.

... Дождь затихает. В стороне Цейлона кое-где над горизонтом проглядывают голубые окна чистого неба. Но солнце не показывается. Мы болтаемся от одной банки к, другой, и каждый раз процедура повторяется.

Наконец долгожданный чанк выловлен. «Валампури» напала на богатую банку. Завтра сюда придет флотилия каное ныряльщиков. Гомес бережно держит на широкой ладони невзрачную раковину. Она покрыта серо-зеленым налетом.

Вот он священный чанк. Раковина, стоившая жизни не одному ныряльщику. Изображение этой раковины выбивалось на монетах древних южноиндийских империй Чалукья и Пандья. Оно сохранилось и на монетах бывшего княжества Траванкур. Из чанка делали и делают тонкие, похожие на фарфоровые браслеты. Браслеты из чанка, найденные в древних погребениях Южной Индии, отличаются удивительным художественным вкусом. Когда-то этим занимались сами парава. Теперь чанк обрабатывают ремесленники Бенгала. Орнамент браслетов огрубел, стал более претенциозным.

Женщины Бенгала, Ассама и Тибета украшают тонкие смуглые руки такими браслетами. Парава надевают их на руки своим детям. «Они отгоняют злых духов», — говорят христиане-ныряльщики.

Четыре раза в день трубят в чанк в храмах Тамилнада (на рассвете, в полдень, при заходе солнца и перед сном), созывая индусов на молитву. Чанк стал

символом храмовых танцовщиц. Водой, налитой в раковину чанка, освящают закладку дома. Чанк зарывают под первым камнем фундамента строящегося здания.

В Керале отмечают праздник первого урожая — «нира». Утром из храма выходит жрец. Впереди него идет человек, трубящий в чанк. По этому сигналу все мужчины деревни выходят на поля и собирают первые колосья риса.

В чанк трубят во время свадебной церемонии. У касты каллан в Тамилнаде есть обычай: сестра жениха в день свадьбы идет в дом невесты. Женщины, сопровождающие ее, несут цветы, кокосовые орехи, молоко, масло, рис. Две из них трубят в чанк, извещая о приближении процессии. Под звуки чанка в Тамилнаде несут тело к погребальному костру. Небольшая раковина чанка красуется на лбу быков. Считается, что чанк предохраняет их от всяких бедствий. Доморощенные лекари пытаются лечить раковиной чанка кожные болезни и даже проказу.

У тамиллов есть много поговорок, где фигурирует чанк. Некоторые из них я не раз слышала: когда хотят подчеркнуть бесполезность какого-либо действия, говорят «это все равно что трубить в чанк над ухом глухого», или: «Придет ли рассвет, после того как протрубят в чанк?» А есть и такие: «Если ты льешь воду в чанк, она становится святой водой; если ты льешь ее в горшок, она будет простой водой».

— Трудно доставать чанк, — говорит Гомес. — Раковины жемчужницы лежат все вместе. А чанк по одному. Долго ползаешь по дну. Воздуха не хватает. А поднялся — потерял раковину, ищи снова. А каждая раковина стоит сорок семь пайс. Жалко упустить.

— У меня брат так умер, — замечает Фернандес. — Нырнул, смотрит: две раковины лежат. Взял их. А недалеко еще две. Уже надо было подниматься: воздух

кончился. Но брат, наверное, решил, зачем их упускать. Подплыл, успел схватить еще одну. А назад не вернулся. Мы его вытащили, а он уже не дышит. В мертвой руке — чанк. Никак не могли руку разжать. Так и похоронили с раковиной.

— Да, — вздыхает Гомес, — нелегко найти чанк.

— Вы знаете, — вмешивается капитан, — они ведь настоящие следопыты. Сначала ищут следы раковин (раковины передвигаются по песку, оставляя следы). Они идут по этому следу и натываются на раковину. Только, пожалуй, парава умеют это делать. В Рамешвараме за чанком ныряют мусульмане, потомки арабов. Они физически сильнее парава. Но им нужна по крайней мере неделя, чтобы найти следыдвигающихся раковин. А парава это делает сразу.

— Капитан говорит правду. Это наука парава, — замечает Гомес. — Отец учил этому меня, дед — отца.

«Валампури» входит в Тутикоринскую бухту.

— Пять часов сплошной качки, — говорит капитан. — И вот, пожалуйста, мертвый штиль на закуску.

Неподвижный воздух застыл над зеркалом бухты.

— Сэр, — окликнули капитана из рубки, — барометр падает.

Грузовая шхуна прошла совсем близко от «Валампури». Матросы с нее что-то громко кричали нам.

— Они говорят, приближается шторм, — сказал Фернандес.

Действительно, затишье и духота, царившие над океаном, не предвещали ничего хорошего.

— Не страшно, — возразил капитан. — Штормы очень редко задевают Тутикорин. Они проходят стороной.

Капитан оказался прав. Только над горизонтом в черных тучах, подсвеченных солнцем, полыхали синие молнии.

«Валампури» мягко стукнулась о сырые доски причала и замерла. Фернандес, не дожидаясь трапа, прыгнул на пирс и помахал рукой. Потом, подумав, крикнул:

— Мэм, приходите к нам в гости!

— С удовольствием, куда?

— Улица Святого Георгия! Спросите меня или Педро.

Он вас знает.

Матросы причалившей грузовой шхуны оттеснили Фернандеса от «Валампури». Он смешался с толпой.

ИСТОРИЯ КОКА И БАРТЕРА

— Вы слышали о Коке и Бартере? — спросил меня Раджендран, устраиваясь поудобней в плетеном кресле. Мы сидели в небольшом чистом дворе отеля. Железная изгородь окружала двор с трех сторон. С четвертой был океан.

— Вы, наверное, видели приземистое здание английской школы недалеко от главной улицы? — продолжал Раджендран. — Этот дом раньше принадлежал Бартеру. Когда англичане обосновались на Тутикоринском побережье, они сразу ввели государственную монополию на ловлю жемчуга, а промыслу чанка не придали значения. Англичане тогда не знали, чем является чанк для Индии и особенно для жителей Южной Индии. И только когда увидели, что чанк приносит прибыль не меньшую, а иногда и большую, чем жемчуг, они изменили свои взгляды. Но до этого времени мадрасское правительство сдавало промысел чанка на откуп.

Были в Тутикорине два главных откупщика — английские купцы Кок и Бартер. Старики до сих пор вспоминают их.

Длинный, как жердь, сухой Бартер и приземистый, круглый, как шар, Кок вели какие-то торговые дела. По воскресеньям оба, застегнутые на все пуговицы, чинно шествовали в церковь. У входа в церковь так же чинно раскланивались. Они не были дружны, но и не ссорились. Два англичанина, деловой судьбой заброшенные в этот далекий тропической город, были совершенно равнодушны, друг к другу.

Но куда девалась традиционная английская вежливость, как только Кок заполучил на откуп чанковый промысел. Никому и в голову не пришло, что

Кок интересуется чанком. Только потом стало известно, что в течение нескольких лет Кок скупил через четырех саммати^[24] почти весь улов чанка. Саммати брали за бесценок раковины у ныряльщиков, которые не смели возражать, так как полностью зависели от своих старшин. Кок платил саммати по двадцать рупий за тысячу раковин. Потом он переправлял раковины в Бенгал, в Дакку, где делают из них браслеты, и каждый раз срывал солидный куш. Но, используя саммати как посредников, Кок кое-что терял. Он убедился, что откуп чанкового промысла дело стоящее и перспективное, и добился откупа. Дело оправдало себя с лихвой. Успех Кока не давал покоя Бартеру: толстый, неповоротливый Кок обскакал его. Такое пережить трудно. Потом Бартер сообразил, что еще не все потеряно. И когда на следующий год Кок подал заявку на откуп, ему сказали:

— Мистер Кок, вы опоздали.

— Как опоздал? — прошептал Кок и вытер вспотевшую лысину клетчатым платком.

— К сожалению, опоздали. Промыслы уже сданы на откуп.

— Кому? — В голове Кока шевельнулось подозрение.

— Хорошо вам известному мистеру Бартеру.

Кок и Бартер больше не раскланивались перед воскресной службой в церкви. На следующий год Коку удалось вырвать откуп из-под носа у Бартера. И так год за годом. Один год — Кока, другой год — Бартера. Если очередность нарушалась, они вцеплялись друг другу в глотки. Эти схватки разрушили легенду о «респектабельности» представителей старой деловой английской школы.

Кок не брал ныряльщиков, которые работали у Бартера. Так же поступал и Бартер. Люди Кока носили красную одежду, люди Бартера — черную. Были годы «красных» ныряльщиков, были годы «черных»

ныряльщиков. Но и «красные» и «черные» были в одинаковом положении, ибо методы эксплуатации у Кока и Бартера были одни и те же. Откупщики спаивали ныряльщиков, не жалея араки и рома. Во время лова они выставляли на берег большие чаны с аракой. Как только каное приставало к берегу, усталых ныряльщиков спаивали. Кок и Бартер получали раковины по цене намного меньшей, чем платил когда-то Кок плутоватым саммати. И во дворе приземистого дома Бартера стояло два бочонка с ромом. Ром делал ныряльщиков сговорчивее при сортировке раковин.

«Отцы» посылали своим ныряльщикам барашка на рождество. Они премировали лучших ныряльщиков, давали займы деньги на свадьбы и похороны. Все это клерки Кока и Бартера аккуратно заносили в счетные книги. Ныряльщики расплачивались раковинами. Обманутые парава наивно верили в доброту «отцов». Они задумывались только тогда, когда дети просили риса, а его не было. Но ром и арака, чудодейственные напитки, уносили грустные мысли и печальные заботы...

Доходы откупщиков росли с каждым годом. Слухи об этом достигли Мадраса. Высокопоставленные английские чиновники в прохладных комнатах форта Святого Георгия сетовали на то, что допущена ошибка, не учтена прибыльность промысла чанка. Плата за лицензию на откуп была поднята. Правительство требовало своей доли. Конкуренты снижали расценки за раковины и увеличивали порцию рома и араки на ныряльщика. Но однажды, это случилось в последний год действия откупов, Кок и Бартер оказались не в состоянии выплатить правительству большую сумму за лицензию порознь. Они могли это сделать только вместе — другого выхода не было. Впервые за много лет откупщики раскланялись у церкви и договорились. Но дух вражды и конкуренции остался, они не могли уступить друг другу. И вот «красным» ныряльщикам

было обещано по тридцать рупий за тысячу раковин, «черные» получили по сорок. Такого никогда не бывало.

В первый день лова Кок, встретивший ныряльщиков, был удивлен, почему так мало раковин. Парава отводили глаза и давали очень туманные объяснения. Постепенно тайна раскрылась. «Красные» переправляли свои раковины «черным». Разница в десять рупий решила судьбу Кока. Конкурент был повержен, и Бартер торжествовал. Однако его торжество продолжалось недолго. В 1846 году правительство ввело государственную монополию на чанк и ликвидировало систему откупов. Для паравы все осталось по-прежнему. Только теперь никто не давал бесплатно ром и араку. За них надо было платить. Продавцы араки и содержатели таверен поминали добрым словом Кока и Бартера, приучивших ныряльщиков пить, и радовались государственной монополии, отдавшей в их руки заработок паравы.

УЛИЦА СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

Я сдержала обещание, данное Фернандесу, и в воскресенье отправилась на улицу Святого Георгия. Была пасха. Над городом стоял колокольный звон. Празднично одетые люди толкались у церквей. Извилистыми переулками я дошла до улицы, на которой жили парава-ныряльщики. Она была узкая и длинная. Беленые стены небольших аккуратных домиков, крытых черепицей, казались ослепительными в лучах яркого солнца. Улица Святого Георгия была очень похожа на португальскую деревню. И только хижины, крытые пальмовыми листьями, напоминали о тропиках. Вдоль улицы были растянуты рыболовные сети. Около сетей сидели женщины и чинили их. Потом я узнала, что уход за сетями помимо домашних забот — главная обязанность женщин-парава. Босоногие ребяташки, поднимая пыль, носились из одного конца улицы в другой. Они проводили меня к дому Фернандеса.

Фернандес жил вместе с матерью и младшими братьями и сестрами. Я вошла в низкую дверь, створки которой доходили только до половины дверного проема. В доме кроме маленькой проходной комнаты, выходящей прямо на улицу, была еще одна, большая, где жило все семейство. Во внутреннем дворике, огороженном каменной стеной, помещались кухня и несколько темных каморок-кладовых. Несмотря на явную бедность, было чисто и уютно. Меня усадили на топчан-кровать, и мы начали неторопливый разговор. Не прошло и десяти минут, как в тесный двор набилось много народу. Пришедшие были как на подбор — высокие, статные, с хорошо развитыми торсами. В поведении этих людей, в обращении друг с другом была приветливость, мягкость и доброта. Вслед за взрослыми

в дом проскользнули дети. Они посапывали и переминались с ноги на ногу.

Вошел человек, с которым ныряльщики почтительно поздоровались и дали ему место около стены.

— Это саммати, — сказал Фернандес.

Саммати Невис Попалрайя — грузноватый, полный человек. На вид ему лет сорок с небольшим.

Я спросила, что обозначает слово «саммати», и Попалрайя обстоятельно объяснил, что саммати существуют издавна, они владеют каное, иногда двумя или тремя, организуют людей на лов и отвечают за них. Если ныряльщик берет деньги у ростовщика, саммати дает поручительство, что ныряльщик вернет деньги. Первый саммати имел долбленое каное. Предки парава плавали на таких. Они уходили в дальние моря к далеким островам, и на каждом каное был свой саммати. Должность саммати наследственная, она передается от отца к сыну. Теперь, если у ныряльщика есть деньги и он может купить каное, он тоже становится саммати.

— И много долгов у ныряльщиков?

— Да нет, не очень, — отводит в сторону глаза саммати.

— Это неправда, — бросается к нему Фернандес. — Мэм, у нас очень много долгов. Мы всю жизнь в долгах. Посмотрите на наших женщин и детей. Только в сезон ловли жемчуга и чанка они могут есть досыта. А сезон кончается — и мы живем впроголодь. Правда, департамент перед началом лова выдает нам аванс. Ну, а остальное время что нам делать? Мы идем к ростовщику. Три процента годовых — это самый божеский процент, но на деле всегда получается больше.

— Пусть мадонна покарает меня, если он неправ, — слышу я знакомый голос. Это Педро. — Парава всегда в нужде. Мы ныряем в сезон с раннего утра каждый день.

А что нам остается? Опять нужда. Видно, достаем со дна океана нужду, а не жемчуг и чанк.

«Рожденная ветром, воздухом, молнией и светом жемчужная раковина, рожденная золотом да защитит нас от нужды», — вспоминаю я слова ведического гимна, которые читал толстый жрец в сокровищнице храма.

— Посмотрите на наших детей. Они худы и слабы. Мы не можем дать им еды вдоволь. А саммати не лучше ростовщиков. Мы всегда им почему-то должны.

— Уймись, Педро, — советует кто-то.

— Пусть саммати сам расскажет, — горячится ныряльщик. — Рассказывай, Невис.

Голос Попалрайя становится глуховатым и бесцветным.

Да, он забирает себе две трети денег, вырученных ныряльщиками за продажу чанка. В прошлую субботу его ныряльщики достали двести раковин. Сто пятьдесят из них были оценены, пятьдесят были маленькие, и их снова пустили в океан. Получили семьдесят рупий пятьдесят пайс. Саммати взял себе сорок семь рупий, остальные отдал ныряльщикам.

— А ныряльщиков у него десять, — снова вмешивается Педро. — Теперь посчитайте, сколько они заработали за день. По две рупии с небольшим. А ты, саммати, получил за прошлый сезон тысячу двести рупий!

— Слушай, Педро, — говорит Попалрайя, — ты всегда слишком много болтал. Я трачу каждую неделю пять-десять рупий на починку каное. Тебе это ясно?

— Невис, мне все ясно. Ты всегда умел хорошо говорить. Но меня-то ты не проведешь. — Несколько человек оттирают Педро от саммати.

— Вы не поверите, мэм, — продолжает Попалрайя, — как трудно быть саммати. Многие из нас тоже в долгах. С ловлей чанка легче. Правительство нас

субсидирует. Но и тут много забот. Надо присутствовать при продаже, все оформить. Ведь департамент имеет дело только с саммати, а не с простыми нырятьщиками. Когда нет лова жемчуга или чанка, мы занимаемся рыболовством. И тут посредники и скупщики рыбы садятся саммати на шею.

— А саммати на шею нам, — не унимается Педро.

Но Попалрайя не удостаивает его и взглядом. — Чтобы начать рыболовный сезон, мне надо тысячу рупий. Я иду к посреднику. Многие из них тоже парава. Посредник дает мне деньги, и я обязан зарегистрировать собственное каное на его имя. Я должен продавать весь улов только ему. А он назначает свою цену.

— А какая часть улова принадлежит вам, саммати?

— Две трети, — и скашивает опасливо глаз где сидит Педро.

— Вот, все ясно, — не удерживается тот. Голос саммати вновь обретает былую твердость.

— Это традиция. Так было при наших предках. Так будет всегда, пока существуют саммати.

Попалрайя поднимается и важно направляется к выходу. Но у самых дверей поворачивается:

— А ты, Педро, еще пожалеешь о сегодняшнем дне.

— Я не твой нырятьщик!

— Это неважно, — говорит саммати и с силой распахивает створки двери.

Боевой дух в Педро угасает, он замолкает, и задумчиво-серьезное выражение появляется у него на лице.

Я узнаю, что нырятьщик за сезон получает не более пятисот рупий. Почти каждый из них должен своему саммати минимум сто пятьдесят-двести рупий. Священники и миссионеры тоже стараются урвать свое из этого скудного заработка.

При англичанах ныряльщики сами приносили раковины в церковь: одни в португальскую миссию, другие в иезуитскую. За это святые отцы дарили каждому ныряльщику по свече, которые ставили у изголовья больных. Эта традиция существует и сейчас, только теперь в миссии и церкви несут деньги, часто последние. Покровительство мадонны надо оплачивать. Упитанные отцы-иезуиты в длиннополых рясах шныряют по улице Святого Георгия. Они хорошо знакомы с материальным положением своей паствы. От их всепроникающего взора ничего не укрывается. Если ныряльщик не принесет денег, они придут за ними сами.

— Работа наша опасная, — вступает в разговор кто-то. — За нее мы иногда расплачиваемся жизнью.

Все оживляются.

— Помните Петиа Фернандо? У него было пятеро детей и последняя дочь родилась в тот день, когда акула укусила Петиа за спину. Каное были далеко в море, и никто не смог помочь ему. Петиа истек кровью, и его доставили на берег мертвым.

— А Мариан Фернандо? Был такой веселый парень. Мы ему все говорим: «женись, женись», — а он только смеется. Нырнул и напоролся на рыбу-дьявола. Прожил потом совсем немного. Священник не успел прочесть даже отходной молитвы. Хорошо, что не женился, а то бы одной вдовой было больше. Мать его очень убивалась. Хороший был парень.

— А Патрик Маравайяр? Глубже его никто не нырял. А однажды нырнул на двадцать метров, да так там и остался. Никак поднять его на поверхность не могли, а когда подняли, все уже было кончено.

— А помните... — но в это время легкие створки двери запахнулись, и на пороге показался высокий крепкий человек в домотканой рубахе и белом дхоти.

— А вот наконец и Чалиа.

— Фернандо, покажи мэм, за какое место тебя укусила акула.

Чалиа охотно повернулся ко мне спиной, и Педро оттянул ему дхоти. Ниже спины шел длинный страшный шрам. Шрам был белый и четко выделялся неровными краями на темном теле. Такой же шрам пересекал бедро.

— А теперь расскажи, как это случилось,
Чалиа Фернандо не заставил просить себя дважды.

...В тот год был удачный лов чанка. Ныряльщики старались не пропустить ни одного дня. Их было десять ныряльщиков на каное и два тхондаи, которые регулировали веревки с грузом. Вышли в океан на рассвете ясного погожего дня. Дул попутный ветер, и океан был спокоен. В марте часто бывают такие дни. Каное взяло курс на юго-восток от Туतिकорина. Саммати рассчитывали прийти на чанковую банку к десяти часам, а к двенадцати закончить лов, потому что к этому времени на отмелях собираются стаи акул. На банку прибыли вовремя. Вокруг царило затишье и ничего, казалось, не предвещало беды. На каное спустили парус, саммати дал знак, и все хором прочитали молитву. Тхондаи стали распутывать веревки.

Первые пять ныряльщиков прыгнули в воду. Через минуту пять голов показались на поверхности. Ныряльщики принесли в сетках крупные раковины чанка. Банка была богатая. С другими пятью Чалиа Фернандо прыгнул за борт и нащупал ногами камень. Натянутая веревка прочно удерживала грузило у ступней. Он продел большие пальцы ног в кольца, ввинченные в камень, и снова прочел молитву. Потом трижды глубоко вдохнул, задержал воздух и дал сигнал тхондаи. Тот ослабил веревку, и Чалиа быстро стал погружаться. Под водой тело охватила привычная прохлада. В голубовато-зеленом тумане искрились

солнечные лучи. Чалиа уходил все глубже, стремясь скорей коснуться пятками дна. Пятки — самое уязвимое место. По ним нередко акула находит ныряльщика. Темный цвет тела служит хорошей маскировкой. А вот пятки светлые и четко выделяются. «Еще метров десять», — подумал Чалиа. Сдавило уши, но он сглотнул и боль прошла.

Стайка цветных тропических рыб испуганно шарахнулась в сторону. Наконец камень мягко ударился о дно и поднял облачко взбаламученного песка. Он освободил ноги от груза, дернул веревку, давая сигнал тхондаи, и камень медленно поплыл вверх. Чалиа выпустил через нос немного воздуха, и сверкающие пузырьки его устремились вслед за камнем. Здесь, на дне, было сумрачно и все виделось как сквозь цветной туман. Глаза щипала соленая океанская вода. Он разглядел узкую песчаную полосу банки. Кусты белых и красных кораллов выступали из зеленой мглы. У самого лица проплыли радужно прозрачные зонтики медуз.

Чалиа вспомнил, что несколько лет назад этими медузами кишели чанковые отмели и нырять было невозможно. Они хуже, чем акулы. От акулы можно уйти. А через сплошной слой медуз ныряльщику не пробиться. Раковин не было видно. Он поплыл совсем низко над дном, иногда касаясь его руками. Воздух уже был на исходе. Чуть ломило виски и громче стучало сердце. Но без раковин нельзя возвращаться — в доме уже два дня не было риса, и он забыл об опасностях, которые подстерегают ныряльщика под водой. А воздуха становилось все меньше. Чалиа почти физически ощущал, как сжимаются его легкие. В висках стучало, сердце билось часто, неровно, толчками.

То, что произошло в следующий момент, он запомнил на всю жизнь. Теперь часто ночами ему снится один и тот же сон: сумеречная мгла океанского дна, две раковины на песке, за которыми он потянулся,

тень чего-то огромного, надвигающегося на него, и этот нестерпимо отчетливый звук щелкнувших акульих зубов. Он понял, что акула его выследила и надо немедленно уходить на поверхность. Раковины остались лежать на песке. Он уперся ногами в дно и сильно оттолкнулся. Акула бросилась за ним. Теперь он ясно разглядел ее гигантское мускулистое тело. Совсем близко увидел пасть, усеянную крупными острыми зубами. Воздух почти кончился. До поверхности оставалось не более трех метров. Чалиа уже видел лучи солнца, проходившие сквозь толщу зеленой воды.

С каное заметили разыгравшуюся трагедию, сбросили веревку, но он сообразил, что если сейчас выйдет на поверхность, акула легко его возьмет. Чалиа напряг мускулы, увернулся от акулы и снова ушел на глубину. Он чувствовал, что задыхается. Перед глазами заплясали разноцветные круги. Мускулы рук и ног вдруг обмякли и уже не подчинялись ему. Акула с открытой пастью торпедировала его справа. Последним усилием воли, уже теряя сознание, он сделал резкий рывок в сторону. Акульи зубы успели полоснуть его по бедру. Из рваной раны хлынула кровь. Все вокруг стало красным. «Теперь конец, — мелькнуло в затухающем сознании, — акула почуяла кровь».

И уже ни о чем не думая, он рванулся к поверхности. Яркий солнечный свет ослепил его. Живительный воздух наполнил легкие, сжатые режущей болью. В двадцати футах от него качалось на волнах каное. Там суетились люди, тхондаи размахивал веревкой. Но звука голосов он не слышал. Теперь акула бросилась на него слева. Не давая себе ясного отчета в том, что он делает, Чалиа захватил левой рукой это ненавистное тело. Он ощутил шершавую, как наждачная бумага, поверхность акульей кожи. Хвост акулы поднял фонтан брызг перед лицом, ее пасть

находилась у его спины. Борьба продолжалась десятки доли секунды. Но они спасли ему жизнь.

Каное стремительно, на веслах, приближалось к месту схватки. Акула рванулась, и он почувствовал обжигающую боль в левом боку. Как во сне он увидел летящий к нему конец веревки, судорожно вцепился в него. Его потянули в каное, и в последний момент зубы акулы полоснули Чалиа ниже спины, но в это время несколько рук подхватили его. Он упал на дно каное; скамьи и борта окрасились кровью. Мир для него снова наполнился звуками. Своими головными повязками ныряльщики остановили ему кровь. Другие каное спешили к месту происшествия.

Рассвирепевшая акула ходила вокруг каное, но саммати настаивали на продолжении лова. Ныряльщики отказывались. «Мадонна спасла Чалиа Фернандо, — говорили они, — а спасет ли она нас, еще неизвестно».

Каное вернулось в Тутикорин. Фернандо потерял много крови, рваные раны заживали медленно. Он не мог больше нырять в тот сезон. Пришлось занимать деньги у ростовщика.

— От одной акулы ушел, к другой попал. И теперь уж надолго, — смеется Чалиа.

— Фернандо весь меченый. Покажи свою спину. — Чалиа стаскивает рубашку. На широкой спине еще один шрам.

— Он ныряет с пяти лет — говорит Фернандес.

— Да все мы начинаем приблизительно с такого возраста, — вступает в разговор молчавший до сих пор старик. — У нас мальчишки восьми лет уже ныряют на три-четыре метра.

— Ну, а здоровье как?

— Что ж здоровье? Почти все мы после тридцати пяти-сорока лет плохо видим: соленая вода выедает глаза.

И глухнем тоже. Вода давит на уши, и они не выдерживают.

— А после пятидесяти ревматизм, — вставляет кто-то. — Вода внизу холодная. Простужаемся.

Я сама заметила, что у ныряльщиков, которым перевалило за пятьдесят, распухшие суставы.

Становится темно. Мне надо уходить. Небо над океаном обложено тучами. В черных тучах багровые отблески зарниц. Где-то над океаном бушуют грозы.

Я с сомнением смотрю на небо.

— Погода не испортится завтра?

— Нет, — отвечают мне сразу несколько голосов, — завтра будет ясно. Пойдем на лов.

ЗА СВЯЩЕННЫМ ЧАНКОМ

На рассвете в бухте стоял туман, он скрывал линию горизонта, и шхуны казались призраками, бесшумно скользящими где-то между водой и небом. Постепенно туман начал рассеиваться, и над горизонтом заалела тонкая полоса. Она все росла и охватила уже полнеба. Черные паруса шхун четко выделялись на пылающем фоне предрассветной зари. Между красным небом и теперь уже отчетливо видной линией горизонта стало разгораться ослепительное сияние. Паруса вспыхивали в его свете и исчезали. Оно становилось нестерпимо ярким и вдруг плеснуло в океан солнечными лучами. Застывшая гладь бухты заискрилась. Лучи заиграли на свежевывмытых досках палубы «Валампури». Мотор шхуны несколько раз чихнул и затем равномерно зарокотал. Судно медленно отваливало от причала. Несмотря на ранний час, было уже жарко. Матросы укрылись под палубным тентом.

Капитан спустился из рулевой рубки и уселся на бухту сложенного каната.

— Нет совсем ветра. Будем буксировать всю флотилию к месту лова. Кстати, пармандади сегодня на «Валампури». Хотите познакомиться?

— Конечно.

Я много слышала о работе пармандади. Это очень важная персона среди парава. Парава почитали его больше короля. Теперь короля у парава нет, а пармандади остался.

Только пармандади знает, где расположены жемчужные и чанковые отмели. Только он может провести туда каное. У него нет компаса и навигационных инструментов. Их заменяет ему тысячелетний опыт предков. Без пармандади никто не

рискнет выйти на лов. Профессия пармандади переходит от отца к сыну. Таким же образом передаются и тайны этой редчайшей на земле профессии. Древние навигаторы парава, пересекавшие океан, ходившие к далеким неведомым островам, не могли бы этого делать без пармандади. Правда, неизвестно, как тогда, сотни лет назад, назывался этот своеобразный штурман. Теперь пармандади занимается только жемчужными и чанковыми отмелями. «Пармандади» значит «ведущий на пар». «Пар» — жемчужная банка. Каждая из них имеет свое название. Чанковые банки, обычно расположенные по соседству с «пар», названий не имеют. Парава говорят: «Чанковая отмель, расположенная рядом с таким-то „пар“».

— Пичеа! — зовет капитан. — Спустись на палубу. Высокая фигура пармандади показывается на витой лесенке.

Его зовут Пичеа Фернандо. Отец его также был пармандади. У отца было несколько сыновей, и среди них Пичеа оказался самым способным к этой сложной науке. Отец рассказал ему все, что знал о жемчужных и чанковых отмелях, показал, где они расположены, научил мерить глубину. Когда отец умер, двадцатилетний Пичеа Фернандо стал пармандади.

Профессия пармандади исчезает. Раньше им принадлежала треть всего улова рыбы, которую добывали в течение года парава. А теперь департамент платит им сто пятьдесят рупий в месяц. По традиции сын Пичеа должен стать пармандади. Но отец не хочет этого. Он предпочитает отдать сына в колледж.

— Найти новую банку — дело трудное и долгое, — говорит Пичеа. — Я уже двадцать восемь лет пармандади, а нашел только три новые жемчужные отмели. Ныряльщиком я все больше вожу на отцовские банки. Мои оказались бедными.

— Как вы ищете банки?

— Жемчужные раковины живут на каменистом дне. Глубина этих отмелей меньше, чем чанковых, где всегда песчаное дно. Я промериваю глубину и могу сказать, песчаное оно или каменистое. Если дно каменистое, я должен знать, какая там водится рыба. В рыболовный сезон я выхожу в море и наблюдаю замеченные мною места. Есть такая рыба, парав называют ее «килатти». Если встретишь ее в месте, где дно каменистое, значит здесь можно найти раковины-жемчужницы.

— Как же вы находите отмели, которые уже знаете?

— А вот смотрите, — Пичеа Фернандо показывает на берег. — Вон севернее Туतिकорина гора. С каждой отмели она видна по-разному. По ней можно ориентироваться на расстоянии десяти миль от берега. А если дальше, то становится виден гопурам индусского храма в Тиручундуре. По храму можно тоже определить место отмелей.

— А если берег уже не виден?

— Тогда есть другие признаки. Их знают только пармандади. Мы никому об этом не рассказываем.

В шести милях от берега «Валампури» застопорила мотор. Босые ноги матросов зашлепали по палубе. На корме разматывали канат: «Валампури» готовилась взять на буксир флотилию каное ныряльщиков. Океан был спокоен. Над водой, вяло двигая крыльями, летали белые чайки. Лодки парава приближались, паруса на них были спущены. Темнокожие парни гребли дружно и красиво. Сверкающие струи воды стекали с небольших лопаточек-лопастей двухметровых весел. В каждом каное по десять-пятнадцать человек. На курчавых волосах ныряльщиков красные, зеленые, желтые головные повязки. Все море, кажется, пестрит ими. На узких бедрах шорты или набедренные повязки. Темная кожа хорошо развитых торсов отливает на солнце синевой. Я замечаю среди ныряльщиков мальчиков

пятнадцати-шестнадцати лет и стариков. Но стариков мало: ныряльщики до старости не доживают.

— Здравствуй, капитан! — кричат с каное. — Куда ты спрятал пармандади? Покажи нам его!

Пичеа Фернандо высовывается из рулевой рубки.

— Чего кричите?

— Поведешь нас на хорошую банку? Пармандади пожимает плечами. Ему со всех сторон кричат:

— Давай, Пичеа, не скупись! У тебя небось есть кое-что на примете!

Каное все прибывают и прибывают. Вот их уже около сорока. Капитан кричит из рубки:

— К корме, заходите к корме!

Несколько каное приближаются к корме. Оттуда матросы бросают конец. Веревка со свистом рассекает воздух и падает в первое каное. Там ее закрепляют на носу. К первому каное привязывают следующее и т. д. Они вытягиваются за кормой в два ряда, одно за другим. Солнце уже высоко. Восемь часов утра. Капитан делает знак рукой, и «Валампури» медленно подается вперед. Двойной караван каное, вспенивая воду, следует за шхуной. Буксирный канат туго натягивается. Матросы на корме переговариваются с сидящими в каное. Невдалеке маячат две моторные лодки. Это инспекционные лодки. Они следят за тем, чтобы ныряльщики не утаивали раковин, не допускают на чанковые отмели каное, не имеющие разрешения департамента на лов.

Солнце в открытом океане палит нещадно. Матросы обессиленные лежат под палубным тентом. На каное паруса превращены тоже в тенты. В их тени ныряльщики занялись едой. Парава выходят в море натошак. И только на пути к месту лова они позволяют себе съесть немного холодного вчерашнего риса и сушеной рыбы.

«Валампури» с трудом тащит флотилию, она делает всего три-четыре узла. Буксирный канат дрожит от напряжения.

— Это еще ничего, — говорит капитан, — а вот при англичанах в департаменте был старый колесный пароходишко. Он назывался «Маргарет». Толку от этой «Маргарет» никакого не было. В безветрие англичанин-инспектор собирал ныряльщиков и говорил: «Мы можем взять на буксир только пятнадцать каное. Бросайте жребий». Вы думаете, парав согласались? Они отвечали: «Возьмите всех или никого». Инспектор выходил из себя и обзывал их упрямыми мулами. Но парав твердо стояли на своем. Они ведь живут по принципу «один за всех и все за одного». Иначе в их трудной работе и нельзя. Они предпочитали вставать в четыре утра и добирались к месту лова на веслах или ночевали на островах. А англичанин никак не мог понять, зачем все это делается, и осыпал их бранью.

— А конфликт с денежными премиями? Инспектор предложил ввести денежные премии для каное, которое регулярно выходит на лов. И что же вы думаете? Ныряльщики отказались. Они предложили разделить эти премиальные поровну между всеми каное. Инспектор сказал, что таких кретинов и идиотов он в жизни не встречал. А мне они нравятся. Живут в нужде, бедствуют, но честность ставят превыше всего. В каное, например, десять ныряльщиков. Не каждому из них везет. Одни достают меньше раковин, другие больше. Но деньги, которые они получают за раковины, делят поровну. Они очень щепетильны в этом вопросе. Остается, например, три аны после дележа. Их не поделишь на десять частей. Никто из ныряльщиков себе их не возьмет. Они купят на них банан и разделят на всех.

Капитан смотрит на часы:

— Десять часов. Придем на банку поздно.

Время течет томительно. Пармандади уже не выходит из рулевой рубки. Капитан с безучастным видом сидит на палубе в шезлонге. Берег давно исчез из виду. Крупные волны катятся по океану, начинается сильная бортовая качка. Только к половине двенадцатого мы приходим на место. Каное отвязываются от буксирного каната и на веслах отходят от судна. Ныряльщики беспорядочно шлепают веслами по воде, невообразимо шумят.

Каное идут за кормой «Валампури» в два ряда, одно за другим.

— Акул пугают, — объясняет капитан. — Мы сейчас им поможем.

«Валампури» описывает несколько кругов вокруг места лова: шум мотора тоже пугает хищников. Каное сначала группируются (ныряльщики читают молитву), затем снова рассыпаются и начинаются приготовления к лову.

К борту «Валампури» подходит инспекционная лодка. Волны поднимают и опускают ее, грозя разбить о борт шхуны. Когда очередная волна подняла лодку, я спрыгиваю в нее. Вслед за мной прыгает Баскар, инспектор из департамента. Ни сидеть ни стоять в лодке невозможно. Волны швыряют ее как яичную скорлупу. Нос лодки задирается так, что закрывает горизонт, потом стремительно падает, и тогда Баскар, я и неукрепленный бак с бензином стремительно несемся к носу. Целый каскад соленых брызг обрушивается на нас. Потом лодка начинает крениться на левый борт до тех пор, пока кипящая пена очередной волны не заливают ее.

Мы с Баскаром, сидя в воде, упираемся ногами в железный бак, не давая ему упасть на нас. Когда лодка кренится на правый борт, все начинается сначала. У Баскара злое и несчастное лицо. Его щегольская, сиявшая утром белизной рубашка мокра, перемазана

мазутом и пахнет бензином. Не могу сказать, что я в лучшем состоянии. Но я не жалею, потому что инициатором «прогулки» в моторной лодке была сама. С нее лучше наблюдать за ловом. Баскар смотрит на меня непрощающим взглядом. Когда он обсох и обрел дар речи, он сказал все, что думал обо мне.

Но это было гораздо позже, а теперь мы качаемся в центре группы каное, с которых первая партия ныряльщиков уже ушла под воду. Вторая готовится к погружению. Вынырнувшие парава плывут к своим каное. Их движения в воде напоминают брасс, но головы они все время держат на поверхности. Они подплывают к каное, отдают раковины саммати и тут же снова цепляются за веревки с грузом. Погружаются каждые три минуты. Несколько человек в масках, но у большинства ныряльщиков их нет. Тхондаи работают непрерывно, поднимая и опуская на веревках камни. Банка, видимо, оказалась неудачной, и ныряльщики теперь без стеснения проезжаются по адресу пармандади.

Воспользовавшись ветром, каное поднимают паруса и переходят на соседнюю банку в двух милях от первой. Снова опускаются грузила в воду. Снова уходят на дно ныряльщики. Снова тхондаи поднимают и опускают камни. Растут горки раковин в каное. Волны становятся выше, измотанные ныряльщики все больше отдыхают, но лов продолжается. Стрелка часов приближается к двум. За это время ныряльщики успели сделать по сорок-пятьдесят погружений. В удачные дни каждый из них может выловить до двухсот пятидесяти раковин. Но сегодняшний улов не богат. Работать трудно, волны высокие.

Над океаном висят тучи. Где-то в стороне невидимого берега небо пронизывают полосы дождя. Пора возвращаться. Ветер попутный. Флотилия снимается с места. «Валампури» больше не буксирует

ее. Каное стремительно несутся к берегу. Они обгоняют «Валампури». Их белые паруса напоминают крылья.

Вдруг совсем рядом со шхуной появляется парус-плавник.

— Акула, — говорит Баскар, который немного пришел в себя в каюте «Валампури» и стал разговорчивей. — Сегодня парава повезло. Нырjali после двенадцати, а акул почти не было. А вы знаете, существуют даже специальные заклинания против акул. Их придумали католические священники. Они продают эти молитвы-заклинания парава. Те оборачивают тряпицей с текстом руку и часто ныряют с ней. У церкви солидный доход от продажи молитв. Парава верят в эти заклинания. До того как появились христианские священники, у парава были свои заклинатели акул и колдуны. Вы видели заклинателей змей?

— Конечно. Но заклинатели змей иногда действительно могут справиться со змеей. А как насчет акул? Неужели колдуны имели на них какое-то влияние?

— Как вам сказать? Случаи нападения акул на парава редки, но можно ли приписывать это действию заклинаний, не знаю. Мы часто не можем найти объяснения многим явлениям. Я одно время очень интересовался этим вопросом. Вы помните описание путешествий Марко Поло? Он побывал на Тутикоринском побережье. Правда, этого названия тогда еще не было. Но не в этом дело. Марко Поло писал о нырjальщиках за жемчугом и о том, что они закливают больших рыб, которые могут ранить человека под водой. Этим заклинателям нырjальщики отдавали двадцатую часть добычи. Заклинания их действовали только днем. На ночь они снимали свои чары, и акулы могли делать что хотели. Марко Поло называет этих заклинателей «абрайман». Может быть,

это искаженное слово «брамин». Вы ведь знаете, что парава раньше были индусами, и вполне возможно брамины как жрецы выполняли роль заклинателей акул.

А среди самих парава было очень интересное семейство Кадалкатти. Там колдовское искусство передавалось из поколения в поколение. Они, говорят, имели власть над акулами. За это ныряльщики подносили им подарки. Кадалкатти обычно читал заклинания, и акулы уходили. Когда акулы не хотели уходить, колдун говорил, что здесь чье-то злое влияние, и принимал другие меры. Какие, я не знаю. Но акулы иногда и сами долго не остаются в местах лова. Для них там мало пищи. Кадалкатти, говорят, обладали также властью над ветрами и течениями. Они могли менять погоду и рассеивать облачность, могли, по поверьям парава, превратить лобовой ветер в попутный. Но в это я как раз не верю. Это явное шарлатанство. Тем не менее, откупщики, известные вам Кок и Бартер, платили им неплохо.

Парава тщательно скрывали деятельность Кадалкатти от католических священников. Искусство заклинания акул у Кадалкатти передавалось по мужской линии. Но у последнего Кадалкатти были только дочери. Мужская линия семьи прервалась, а с нею исчезло и колдовское искусство. Последний Кадалкатти умер в самом начале нашего столетия, и после никто уже не знал, как заклинать акул.

Что касается колдунов, которые имеют дело с погодой, то они еще долго оставались среди парава. Давно еще, лет пятьдесят назад, произошла очень смешная история с этими колдунами. Памбанский мост, снесенный в океан во время декабрьского циклона, тогда только начали строить. Каное некоторых парава работали там. Ныряльщики доставали кораллы, которые тоже шли в строительство. Я не помню, что точно

случилось, но команды нескольких каное были уволены за какой-то проступок. Вы знаете, постройкой моста руководили англичане, а парава народ с независимым характером. Они, как говорится, не сработались. Вот и пришлось ныряльщикам убираться восвояси. А тут как назло встречный ветер — и каное не смогли выйти в море. Ждут день, ждут два, а ветер все не меняется. Тогда ныряльщики послали в Тутикорин сообщение о своем бедственном положении. Там отыскали колдунов ветра и лучших отправили на помощь. Парава обрадовались, когда увидели их. Колдуны очень старались. Читали заклинания, совершили какой-то таинственный ритуал, а результатов не было. Прошло два дня. Колдуны велели еще ждать. Тогда у ныряльщиков лопнуло терпение. «Если ждать, — сказали они, — то можно дождаться перемены ветра и без заклинания. На то и колдуны, чтобы можно было переменить ветер сразу». Ныряльщики сели на весла, обругали колдунов и отчалили. Колдуны кричали и просили, чтобы их взяли в Тутикорин. Но ныряльщики и слышать не хотели. Так и пришлось колдунам добираться домой самим, где пешком, а где на крестьянских повозках.

— Как-то мне попала в руки дощечка, исписанная с обеих сторон, — продолжал рассказ Баскар. — На дощечке были символы индусских богов. Я вам сейчас прочту, что там было написано.

Баскар достал потрепанную записную книжку, долго листал ее и наконец, найдя нужное место, стал читать:

«Пусть ни ветер, ни шторм не продолжаются, пусть царит спокойствие во всём мире. Пусть ни сила, ни лесь не противостоят нам и пусть с помощью бога, создавшего нас, ничто нам не мешает. Пусть ни камни, ни гнев, ни сила, ни стрелы не причинят нам вреда. И пусть язык человека, говорящего против нас, будет

разрезан на куски; если будут какие-либо препятствия, пусть они будут преодолены. И с помощью бога Шивы, который создал всех нас, пусть не будет ничего, мешающего нам».

Баскар спрятал записную книжку в карман и продолжал:

— Это, конечно, явно заклинание против ветров. И то, что в этом заклинании фигурируют индусские боги, говорит о древности этой профессии.

— А сейчас есть такие колдуны?

— Их почти не осталось. Иногда, правда, кое-кто занимается заклинаниями, но все это от случая к случаю. Вообще я вам скажу, парава мало подвержены власти предрассудков. Вот когда им не везет, плохой лов, тогда предрассудки всплывают на поверхность. В массе своей они люди здравомыслящие.

«Валампури» входила в Тутикоринскую бухту. Было пять часов вечера. В гавани нас встретил Раджендран.

— Десять часов в море, — воскликнул он, — да еще в такую качку! Неплохо, совсем неплохо.

Потом он предложил:

— Хотите поехать на сдаточный пункт посмотреть, как принимают раковины?

— С удовольствием.

Джип Раджендрана стоял у ворот гавани. Мы проехали по главной улице. За нею потянулись низенькие домишки и хижины. Это был рыбацкий поселок. Здесь жили индусы и несколько десятков семей парава. Поселок вплотную примыкал к сдаточному пункту. Пункт был обнесен каменной стеной. Во дворе под навесом уже сидели ныряльщики. Перед ними стояли плетеные корзины с раковинами. Вдоль стены тянулись приземистые здания, напоминающие амбары. Около одного из них крутился Педро.

— Как улов, Педро? — окликнула я его.

— Неважно, мэм. Не больше пятидесяти раковин на каждого. Да и те не все можно сдать.

Мы вошли в здание. В глубине его за столом с зажженной настольной лампой сидел приемщик. Перед ним стояла деревянная мера для раковин с отверстием в 2,5 инча в диаметре. Около приемщика толпились саммати. Приемщик брал раковины и вставлял в отверстие. Если раковина не проходила сквозь него, значит она годилась по размеру. После этого приемщик начинал придирчиво изучать раковину. За раковину, источенную червями, он выдавал три пайсы, за раковину без дефекта — сорок семь пайс. Раковины меньшего размера складывают в корзины. Завтра их снова пустят в море. Они должны расти. Отобранные раковины кладут в большую цементированную ванну, занимающую всю центральную часть амбара.

Уже темно, но во дворе сдаточного пункта все еще сидят люди, прошедшие в море десять часов. А цепкие руки приемщика все ощупывают буровато-серую поверхность священного чанка...

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ И ТЕ, «КТО ЕСТ ЗА СТОЛОМ»

Рядом с гаванью, чуть в стороне от набережной, есть улица Джордж Роуд. Она совсем непохожа на улицу Святого Георгия. За прочными каменными заборами стоят двухэтажные особняки. Пышные кроны тропических деревьев глядят из-за оград. Шпиль католической церкви господствует над улицей. Большинство прихожан этой церкви хорошо одетые люди. Они подъезжают к ней на своих машинах. И на улице Святого Георгия и на Джордж Роуд живут парава. Но парава разные. Если обитатели улицы Святого Георгия выходят в океан на узких каное нырять за жемчугом и чанком, ловить рыбу, доставать со дна куски кораллов, с раннего утра заняты в гавани на погрузочных работах, ведут шхуны на внешний рейд, плавают матросами на парусниках в Коломбо, Бомбей и Каликат, то жители Джордж Роуд предпочитают сидеть в своих конторах, подписывать банковские чеки, подсчитывать деньги и запирать их в массивные стальные сейфы, изготовленные английской фирмой «Годрей». Им принадлежат грузовые шхуны, парусники, товарные склады у гавани, ростовщические конторы, двухэтажные особняки, сложенные из коралловых глыб. Они скупают рыбу, священный чанк, жемчуг и арендуют соляные поля за городом. Парава с улицы Святого Георгия называются тружениками моря. Парава с Джордж Роуд — «те, кто ест за столом». По-тамильски — месайкарар. За столами особняков Джордж Роуд едят жирную баранину и первосортный рис. В тех, «кто ест за столом», течет кровь королей и старейшин парава.

Потомки правителей парава превратились в предприимчивых бизнесменов. Они умнее, чем их предки. Правда, прародители немало оставили им, теперешним дельцам. Первые грузовые шхуны и парусники были куплены на их деньги и жемчуг. Но потомки достигли большего. Труженики моря никогда так не работали на короля и старейшин, как работают они сейчас на судовладельцев и купцов с Джордж Роуд.

В прошлое ушли времена короля и старейшин, но древние традиции живут. Труженики моря обитают в северной части Тутикорина, а те, «кто ест за столом», — в южной.

Аристократия парава свято соблюдает свою родовую чистоту. Браки между представителями двух групп не допускаются. «Владеющий богатством и властью да владеет им вечно, — говорят месайкара, — рожденные трудиться в море, пусть останутся ими». Но жизнь имеет свои законы, и в последние годы несколько стерлась граница между поселениями месайкара и труженников моря.

Мне очень хотелось познакомиться с теми, «кто ест за столом».

— У меня есть друг, — сказал мне инспектор Баскар. — Он принадлежит к этим людям. Несколько лет назад его выбрали в муниципалитет. Сейчас он заместитель председателя муниципального совета. Если хотите, мы зайдем к нему.

Двухэтажный особняк Джулиана Вилавараяра находился в конце Джордж Роуд. По широкой лестнице мы поднялись на второй этаж. Слуга провел нас через анфиладу просторных комнат в кабинет хозяина. Высокие резные спинки темных кресел придают кабинету сходство с лондонской конторой. На этажерке у стола книги: «Рабочее законодательство», «Бизнес в XX веке», справочники пароходных компаний, переплетенные отчеты муниципалитета. Джулиан

Вилавараяр сидит за большим письменным столом. Мадонна с младенцем смотрит с деревянных резных часов. На стенах портреты предков.

Джулиану не более тридцати лет. Его английское произношение безупречно.

— Я слышал уже о вас, — сказал он мне, пожимая руку, — наш город небольшой, а иностранцы не столь частые гости у нас. Особенно из такой страны, как ваша. Очень много дел, — вздохнул Джулиан, — и в муниципалитете, и в офисе, и в гавани. Вертишься как белка в колесе. Тебе, Баскар, небось так не приходилось.

— К сожалению, нет, — серьезно ответил Баскар.

— Он еще и сожалеет! Вы слышали? — Вилавараяр всем корпусом поворачивается в мою сторону. — Служит и не знает горя. А я?

— Что же вам приходится делать?

— О, у бизнесмена всегда много дел. Одни грузовые шхуны чего стоят. Вот послушайте. У меня было четыре шхуны. Одна даже в Коломбо ходила, но я ее продал. Теперь две разгружают корабли на внешнем рейде, а одна возит товары между Каликатом и Бомбеем. Вы думаете легко с ними управляться? Теперь все умные стали. Пока с матросами уладишь дела, семь потов сойдет. Это раз. Потом соль. Ты же знаешь, Баскар, я связался с этой проклятой солью. Тоже дел выше головы. Ну, всего не перечислишь. Я же сказал: кручусь как белка в колесе.

— Ну, а доходы?

— Доходы? Есть, конечно. Вилавараяры свое не упустят. — Он самодовольно смеется. — С трех шхун у меня месячного дохода полторы-две тысячи рупий, с соляных полей — пятнадцать тысяч, а то и больше в год. Потом еще разные операции приносят прибыль.

Об «операциях» Джулиан не распространяется. Позже я узнала, что он занимается и ростовщичеством.

— Жить можно. Но сколько труда, сколько труда! — патетически восклицает он и воздевает пухлые холеные руки.

— А сколько человек у вас занято на шхунах?

Джулиан роняет руки на стол.

— Тридцать-тридцать два человека. Упрямы и несговорчивы как ослы. Видите ли, я им мало плачу. Подумать только! А что я могу? Мы получаем деньги за весь объем разгрузочно-погрузочных работ. Половина всех денег моя. — Рука Вилавараяра сжимается в кулак. — Моя, потому что шхуны мои. Из остальных две части принадлежат капитану и одна часть команде. А команда — десять человек на каждой шхуне. Вот и получается по семидесяти рупий в месяц на брата. А если повезет, то и по сто.

Я вспоминаю черные паруса грузовых шхун. Они уходят на внешний рейд еще до рассвета. Возвращаются после захода солнца. Двенадцать часов каторжного труда и только семьдесят рупий...

Меня раздражают холеные руки Вилавараяра, его нагловатый взгляд.

— Скажите, вы, кажется, тот, «кто ест за столом»?

Джулиан брезгливо морщится.

— Где вы услышали это выражение? Это же жаргон паравы. Язык ныряльщиков и матросов.

— Язык, не лишенный выразительности и точности.

— Вы так думаете? Мои предки, действительно, принадлежали к правящему роду. Паравы ведь делились на две группы, знаете, как короли и рабы? Мы правили, а труженики моря на нас работали.

— Сейчас, кажется, тоже так?

— Ну что вы, — примирительно произносит он. — Ведь я современный бизнесмен, я их ни к чему не принуждаю. Бог тому свидетель, — и он поднимает глаза к деревянной мадонне с младенцем.

— У вас много дел, мы не будем отрывать вас от них.

— Что вы, что вы, для таких гостей я всегда рад сделать что могу, — говорит с явным облегчением Вилавараяр. — Вы можете воспользоваться моим автомобилем.

— Нет, — отвечаю я. — Мы пойдем пешком. — Лицо Баскара становится несчастным, как тогда в моторной лодке.

Но я уже спускаюсь по лестнице. Я не хочу, чтобы Гомес или Фернандес, Педро или Чалиа Фернандо видели меня в машине Вилавараяра. Они труженики моря, и если вы хотите с ними дружить, то не ездите в автомобилях тех, «кто ест за столом».

ЗАГАДКА ПАРАВА

Парава — одна из древних групп населения Индии. Издавна парава славилась большими способностями к навигации, они совершали далекие морские путешествия. Упоминания о парава есть в древних тамильских и санскритских источниках. У каждого народа есть свои предания и легенды, в которых можно найти сведения об их древних обычаях, о происхождении, о племенной структуре. Были они и у парава, но католические священники в течение четырехсот лет заставляли забыть их обычаи и законы предков, наложили запрет на предания и легенды «летучих рыб». Постепенно из памяти народа исчезло то ценное и необходимое, что могло бы помочь восстановить историю парава. Индуизм, предшествовавший христианству в общине парава, в значительной мере затемнил и покрыл напластованиями своей богатой мифологии ранние культурные традиции «летучих рыб». Почти никто из парава теперь не помнит ни легенд, ни преданий.

— Что вы знаете о своем происхождении? — спросила я однажды нескольких ныряльщиков.

— Мы знаем, что нас создал бог.

— Какой?

— Тот, что нарисован в церкви.

Вездесущий Педро заявил, что первый парава был рожден... мадонной.

— Но, Педро, — возразила я, — у мадонны был только один сын — Иисус Христос.

— Тогда, — Педро не растерялся, — Иисус Христос родил первого парава.

— Но у него не было детей.

Педро озадаченно посмотрел на меня.

— А откуда вы знаете? — резонно спросил он.

Я действительно не знала, и Педро торжествовал. И только восьмидесятилетний старик с глазами, пораженными катарактой, кое-что мог рассказать.

— Вы хотите знать, откуда появились «летучие рыбы»? — его старческий надтреснутый голос звучал глухо. — Это было очень давно. Тогда на земле жили народы и племена, которых теперь нет. Бог Варуна владел всеми океанами, морями, озерами и реками. Все богатства морей принадлежали ему, все ветры и течения океанов подчинялись ему. Он жил во дворце, построенном из кораллов. Самые красивые жемчужины и раковины валампуре украшали его жилище. Но лучшим украшением его дворца были прекрасные девушки. Я не знаю, откуда они появились во дворце Варуна и кто они были. Только первые парава были рождены ими. Бог Варуна назвал их «летучими рыбами».

Парава свободно жили в воде и только изредка показывались на поверхности. Они населяли многие моря и озера. Варуна был только богом моря. А всем миром и вселенной правил могущественный бог четырехрукий Шива. Из дальних темных стран пришли злые духи — ашурь. Они хотели сокрушить четырехрукого бога. Шива был силен и могуч, но без оружия он не мог победить ашуров. Тогда он создал Картику, бога оружия. Увешанный с ног до головы луками, стрелами и мечами, Картика поднялся из глубин священного озера Саравана. Вода закипела, и высокие волны вздыбились над озером. И из волн вслед за Картикой вышли парава. У них тоже были луки и стрелы. С тех пор они стали жить на земле вдоль берега реки Джамны, в том месте, где была древняя Айодхья^[25]. Это было еще до великой войны между Пандавами и Кауравами^[26].

Но однажды гнев богов обрушился на землю. Океаны, реки и озера вышли из берегов и затопили сушу. Многие народы и племена погибли, их города и деревни бушующие волны смыли с лица земли. Но парава — морской народ — сумели спастись. Король парава дал приказ построить большое долбленое каное. К каное прикрепили балансир, чтобы волны не перевернули лодку. Парава сели в каное, подняли парус и поплыли. Они плыли много дней и много ночей. И много дней и много ночей перед ними от горизонта до горизонта была только вода. Слабые духом пали и плакали, как дети. Они потеряли надежду увидеть землю. Но вождь парава сказал: «Мы будем плыть, пока не увидим землю. Мы не умрем от голода. Этот бескрайний океан будет нас кормить».

Они потеряли счет дням и ночам. Над долбленным каное проносились грозы и штормы, но парава выстояли. Наконец один юноша заметил на горизонте клочок земли. Долгий путь был окончен. Парава пристали к берегу. С тех пор они и стали жить на том берегу. Они ловили рыбу, ныряли за жемчугом и священным чанком. Доставали со дна пурпурные ветви кораллов и приносили золотистый янтарь. Они построили деревни и города и были могущественны.

Старик прикрыл сухими, как пергамент, веками слепые глаза.

— Я устал, — сказал он и, кряхтя, поднялся с циновки.

— Где вы услышали эту легенду? — поинтересовалась я.

— Ее мне рассказал отец, а отцу его отец.

Позже я нашла в очень скудной литературе о парава упоминание об этом предании. В легенде очень многое уже от поздних времен, когда парава стали индусами. Но рассказ о длительном морском путешествии заслуживает особого внимания. Вполне возможно, что

основой его послужили реальные события, когда парава на долбленых каное пересекли океан и поселились здесь, на индийском побережье залива Маннар. Небольшая община парава существует и на Цейлоне. Есть и другие данные, которые свидетельствуют о том, что парава пришельцы. Слово «пара» на санскрите — древнем языке Индии — означает «чужеземец», «иностранец».

Два голландских чиновника в 1669 году писали в отчете губернатору Цейлона, что парава «пришли сюда (на Тутикоринское побережье. — Л.Ш.) из других стран» и что в сравнении с местным населением «они выглядят как чужеземцы».

В течение двухлетнего пребывания в Индии меня всегда удивляло отношение местного дравидийского населения Южной Индии к морю. Дравиды боятся моря. Южная Индия, омываемая с трех сторон Аравийским морем, Бенгальским заливом и Индийским океаном, казалось бы, должна была вырастить не одно поколение отважных мореходов, пловцов, рыбаков. Но тамильское население крупного портового города Мадраса на Коромандельском побережье сталкивается с морем только тогда, когда мадрасцы приходят душными вечерами подышать на берегу свежим морским бризом. На индийском побережье вы почти не увидите купающихся в море людей. Дравиды, за исключением небольших общин рыбаков, стараются держаться подальше от моря. Его стихия им чужда.

Ученые, работающие над проблемой заселения Индии, считают, что дравиды пришли в Индию из района Средиземноморья и были народом «речной культуры» или культиваторами. Этим, очевидно, и объясняется почти полное отсутствие у дравидов связей с морем в том смысле, в каком существуют эти связи у народов «морских». Парава же, видимо, принадлежали когда-то к «морскому» народу. В своей

любви к морю, в умении обращаться с ним парава не имеют себе равных в Индии. Пожалуй, они единственная в этом смысле община. Еще до прихода европейцев в Индию у парава существовало тринадцать профессиональных групп, которые свидетельствуют о тесных связях этого народа с морем. Среди этих групп были: ныряльщики за кораллами, моряки, ныряльщики за жемчужными раковинами, ныряльщики за раковинами чанк, ловцы морских черепах, ловцы акул и рыбы, краболовы. Некоторые из этих групп сохранились и поныне. Долгое обитание парава в непосредственном соседстве с дравидийским населением способствовало определенной ассимиляции их дравидами. Парава восприняли их язык тамили. Однако у парава необычные для этих мест интонация и акцент. Правда, разница в произношении еще ни о чем не говорит. В разных диалектах тамильского языка одни и те же слова нередко произносятся по-разному. Интересно, что парава употребляют многие слова, которых не только нет в тамильском языке, но и которые по своей структуре не имеют с ним ничего общего.

Внешне парава тоже отличаются от тамиллов и дравидов вообще. В течение многих лет при мадрасском правительстве работал в качестве руководителя жемчужного и чанкового промыслов англичанин Джеймс Хорнелл. Он интересовался историей промысла и этнографией парава. Будучи человеком наблюдательным, Хорнелл заметил разницу в физическом типе тамиллов и парава. С помощью антропологов из Мадрасского музея ему удалось уже в 20-х годах нашего столетия провести антропометрические измерения парава. Результат был совершенно неожиданным: среди парава преобладает... чистый полинезийский тип.

Каное и катамаран, которыми пользуются парава, отличаются от всех прибрежных судов на западном и

восточном побережье. Катамаран парава в большинстве случаев двойной, построенный по принципу лодки с одиночным балансиром. Бревна катамарана Тутикорина крепятся намертво и не разбираются, когда катамаран лежит на берегу. Вместо весла-лопаточки используют бамбуковый шест. Тщательно изучив полинезийский тип каное, Хорнелл нашел большое сходство между ним и каное парава. Каное Тутикорина — узкое судно длиной 10-12 метров, на носу закрепляется мачта с четырехугольным парусом. Один из верхних углов четырехугольника как бы срезан. Современное каное полинезийцев имеет одиночный балансир. Но когда первые европейцы проникли в Полинезию, они обнаружили двойные каное больших размеров. Возможно, каное парава и является видоизмененным старым двойным полинезийским каное.

До сих пор у нас нет определенных сведений о существовании регулярных торговых отношений между Индией и Полинезией. Поэтому вряд ли можно приписывать наличие полинезийских элементов в Индии влиянию этих торговых связей. Хорнелл предполагает, что в древние времена, возможно, была волна иммиграции с островов Южных морей в Индию. Путь древних пришельцев мог идти через западную Суматру (где есть также полинезийские элементы), Цейлон и залив Маннар. Он склонен думать, что полинезийское население Индии древнее дравидийского.

Другой английский ученый, У.Д.Перри, на основании материала Хорнелла сделал иной вывод. Перри считает, что полинезийское население, более многочисленное, чем только прибрежная часть его, было вытеснено пришлыми дравидами и вынуждено было, за исключением небольшой его части, эмигрировать на острова Южных морей. Перри — сторонник теории заселения Полинезии через Индию. В то же время

известный норвежский этнограф Тур Хайердал выдвигает гипотезу заселения Полинезии через Америку. Как известно, эта гипотеза нашла ряд подтверждений в открытиях, сделанных Хайердалом в последнее время. Однако все эти теории еще требуют дальнейшей кропотливой исследовательской работы, новых доказательств и подтверждений. Может быть, тщательное историко-этнографическое изучение парава в какой-то мере поможет решить одну из интереснейших проблем — историю заселения Полинезии. Возможно, это в свою очередь объяснит загадку «летучих рыб» Тутикоринского побережья.

notes

Примечания

1

Гопурам — башня в храмовом архитектурном комплексе.

«Дважды рожденный» — представитель высшей касты, проходящий особую церемонию посвящения — «второе рождение».

З

Пуджа — молитва.

4

Дхоти — вид индийской мужской одежды.

5

Ракшасы — в индийской мифологии
кровожадные демоны, злые духи.

6

Ашуры — в индийской мифологии демоны тьмы.

Наяк — титул феодального правителя в Юго-Западной Индии.

8

Заминдар — индийский помещик.

9

Так называют в Индии моллюска *Turbinella rapa*. Раковинам чанка индийцы придают мистическое значение.

10

Катамаран — небольшое судно, используемое рыбаками Коромандельского побережья. Состоит из связанных между собой бревен.

11

Морская сажень — 1,82 м.

Речь идет о Памбанском мосте, соединяющем остров Рамешварам расположенный к северу от Тутикорина, с материком.

13

Рупия — индийская денежная единица. По официальному курсу 100 рупий равны 11,95 рубля.

E.Thurston, Pearl and chank fisheries of the Gulf of Munnar, Madras, 1845, pp, 19-20.

Святой Томас — один из первых христианских миссионеров в Индии, убитый индусскими жрецами.

Крусудо — старинная португальская денежная единица.

Параос — легкие парусные суда муров.

Муры — так называли в Южной Индии потомков арабов-иммигрантов.

Заморин — феодальный титул правителя
Каликата.

20

Панам — серебряная монета достоинством 8 ан.

Гоа — тогдашняя португальская колония, расположенная на западном побережье Индии, к северу от Малабара.

Парава ныряют с камнем, который веревкой привязан к лодке. Камень увеличивает скорость погружения. Когда ныряльщик достигает дна, находящиеся в лодке вытаскивают камень. Затем, пока ныряльщик отдыхает, другой уходит под воду с этим же камнем. Нередко одним камнем пользуются два-три ныряльщика. Поэтому камень служит своеобразной единицей измерения добытых раковин.

Сетупати, наваб — титулы индийских
феодалов правителей.

Саммати — старшина и владелец каное.

Айодхья — город в древней Индии. По некоторым данным, Айодхья в начале первого тысячелетия до нашей эры была столицей самостоятельного государства.

Пандавы и Кауравы — две враждовавшие между собой династии древней Индии. Многолетней войне между ними посвящен индийский эпос «Махабхарата».